

КОРОНА
ПРОКЛЯТОГО
РЕГЕНТА

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

18+

Алекс Серебров

Корона проклятого регента

<https://litres.ru/74606707>

SelfPub; 2026

Аннотация

Законная наследница Эстель Вальер должна была получить корону. Но древний престол отверг её — и выбрал Дариана Морвейна, человека, по чьему приказу погиб её брат.

Теперь Дариан правит как регент. Каждый его Большой эдикт спасает страну от очередной беды, но забирает одну человеческую привязанность. А канцлер, управляющий потоком кризисов, ведёт его к последнему решению, после которого от собственной воли может ничего не остаться.

Чтобы спасти Эрвальд, Эстель придётся объединить семерых хранителей власти и научиться действовать вместе с мужчиной, которого она ненавидит. Но что, если доверие окажется опаснее ненависти, а любовь потребует отказаться от самой короны?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	30
Глава 4	42
Глава 5	57
Глава 6	73
Глава 7	88
Глава 8	104
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Алекс Серебров

Корона проклятого регента

Глава 1

Эстель

Запах ладана и сырого склепа ещё не выветрился из складок траурного бархата. Короля Альрика похоронили только вчера на закате, и холод каменных плит королевской усыпальницы, казалось, пропитал подошвы туфель Эстель насквозь.

Она стояла перед ступенями возвышения, расправив плечи так, чтобы ни один человек в переполненном зале не заметил мелкой, предательской дрожи в пальцах. Двадцать девять лет её готовили к этой минуте. Она знала торговые пошлины пяти провинций лучше любого королевского казначея, помнила по именам сотников столичного гарнизона и наизусть цитировала статьи Гражданского уложения. Корона Эрвальда принадлежала ей по праву крови, закона и долга.

Но воздух в Зале Единой Короны был тяжёлым, душным от сотен зажжённых восковых свечей и колючего, липкого ожидания знати.

Справа от алтарного камня стоял Дариан Морвейн.

Он не надел парадный камзол — лишь глухой тёмно-се-

рый колет под траурной перевязью и стальной горжет, на котором тускло поблёскивал знак Королевской Руки. Двадцать лет он был мечом и тенью её отца. Сорок три года жизни, высеченной из железа, военных лагерей и той страшной, не знающей сомнений исполнительности, от которой у Эстель до сих пор немело под ложечкой.

Дариан не отводил взгляда. Его серые, глубоко посаженные глаза смотрели прямо, тяжело и бесстрастно. Он помнил, чья кровь стоит между ними, точно так же, как помнила она. Семь лет прошло с тех пор, как у Западных ворот во время Серой горячки по его личному слову захлопнули кованые створы перед отрядом её старшего брата Люциана. Люциан сгорел в чумном бреду под стенами города, а человек, отдавший приказ запереть ворота, стоял здесь — живой, несокрушимый, с широкими ладонями, привыкшими сжимать эфес палаша.

Эстель заставила себя отвернуться к трону.

Трон Единой Короны возвышался на семи ступенях чёрного гранита. Высеченный из монолитного тёмного базальта три столетия назад, он не имел подушек или золотой парчи. Лишь гладкий, вечно ледяной камень, пронизанный тусклыми прожилками древней силы, и парящий над изголовьем обруч Единой Короны — темное золото, в глубине которого мерцали застывшие искры неразрешённых клятв.

Канцлер Северин Кассар шагнул вперёд. В свои пятьдесят пять он двигался с мягкой, почти неслышной грацией

опытного сановника. Седые волосы были безупречно уложены, серебряная цепь главы Совета лежала на бархатной мантии без единого перекаса. В тонких, унизированных перстнями руках канцлер держал пергаментный свиток с текстом коронационного обета.

— Высокие лорды, хранители палат, народ Эрвальда, — голос Северина звучал ровно, заполняя своды зала торжественной, убаюкивающей силой. — Законная преемственность не терпит пустоты. Король ушёл к предкам, но трон не может оставаться холодным. Леди Эстель Вальер, подойдите к престолу предков.

Шлейф платья зашуршал по полированному камню. Семь ступеней показались Эстель бесконечной лестницей над пропастью. Каждый её шаг отдавался тихим эхом в мёртвой тишине зала. Сотни глаз буравили её спину: придворные дамы, посланники провинций, судьи, офицеры гарнизона.

Она поднялась на верхнюю площадку и остановилась перед базальтовым монолитом.

Холод от трона ударил в грудь, перехватывая дыхание. Это не было простой каменной стужей — магия древнего престола дышала, ворочалась в глубине гранита, пробуждаясь от прикосновения королевской крови.

— Положите правую ладонь на грань престола, ваше высочество, — негромко произнёс Северин, поднимаясь следом и разворачивая свиток. — И произнесите обет Единой Воли.

Эстель опустила обнажённую ладонь на подлокотник. Камень отозвался мгновенной, пронзительной судорогой. Тонкие золотистые жилы под базальтовой коркой дрогнули и налились густым, расплавленным светом. Магия трона хлынула в её вены — не ласковым теплом, а раскалённой иглой, проникающей прямо в сердце, вскрывающей память, проверяющей самую суть её естества.

Северин начал читать формулу, каждое слово которой веками вдалбливали в наследников:

— Клянётесь ли вы перед Небом и народом Эрвальда принять власть без раздела и сомнения? Клянётесь ли вы, что в час грозы ваша воля станет единственным законом державы? Клянётесь ли вы своею душой, что ради спасения целого имеете непререкаемое право отсечь любую часть страны, предать огню любой дом и принести в жертву любую жизнь без её согласия и без суда?

Слова повисли под сводами, тяжёлые, как свинцовые гири.

Трон внутри неё замер, ожидая согласия. Это не было метафорой. Магический контур требовал не просто звуков, слетающих с губ. Древнее плетение жаждало безоговорочной внутренней готовности стать палачом во имя выживания государства — отдать приказ, выжечь город, захлопнуть ворота перед собственным братом и не дрогнуть. Трон не искал праведности; он искал готовность к абсолютному насилию ради порядка.

«Скажи это, — шептал ледяной страх внутри. — Просто повтори слова. Ты получишь власть. Ты сможешь всё исправить потом, когда наденешь венец».

Эстель сжала пальцы на холодном камне так, что побелели ногти. Перед внутренним взором на мгновение встало бледное, измученное лицо Люциана, умирающего в грязи за закрытыми воротами. Власть, купленная правом убивать невинных без их голоса. Закон, превращённый в топор мясника.

Если она солжёт трону сейчас, магия сожжёт её изнутри. А если скажет эту клятву искренне — станет тем, кого презирала всю жизнь.

Она подняла подбородок. Её голос прозвучал чисто, звонко, разрезая затаившуюся тишину:

— Я клянусь защищать Эрвальд, его закон и его народ. Я клянусь отвечать за каждый эдикт перед судом и совестью. Но я не приму права жертвовать людьми без их согласия и судить без закона. Моя воля не станет выше жизни тех, кем я призвана править.

В зале кто-то коротко, судорожно вздохнул.

Северин застыл со свитком в руках, его безупречная маска на долю секунды дала трещину.

А затем трон ответил.

Камень под её ладонью не просто остыл — он омертвел. Расплавленные золотые жилы с глухим, скрежещущим звуком лопнули, обращаясь в грязно-серый пепел. Волна ле-

дяного отторжения ударила Эстель в ладонь с такой яростной силой, что её отбросило назад. Ноги запутались в тяжёлом подоле, и она едва удержалась на ногах, ухватившись за спинку церемониального кресла.

Обруч Единой Короны над тронном вспыхнул мертвенно-белым сиянием, со звоном качнулся и опустился обратно на холодный базальт.

Трон сказал: «Нет».

Шок, накрывший зал, был почти осязаемым. Ни шепотка. Ни шороха ткани. Сотни высокородных мужей и жен замерли, глядя на наследницу престола, которую древняя магия основателей только что вышвырнула со ступеней, как самозванку.

Щёки Эстель обожгло стыдом, жгучим и горьким, но она выпрямилась во весь рост, не позволяя слезам выступить на глазах. Рука, коснувшаяся камня, онемела до самого локтя, пальцы покрылись тончайшей изморозью.

Северин опустил свиток. В его взгляде мелькнуло что-то тёмное, расчетливое и пугающе удовлетворённое.

— Трон отверг наследницу, — громко, с подчеркнутой скорбью в голосе объявил канцлер. — Принцип Единой Воли не признан. По установлениям междуцарствия престолонаследие прервано из-за несовместимости духа с бременем верховной власти. Совет обязан взять управление в свои руки и объявить леди Эстель...

— Замолчите, канцлер, — раздался с помоста голос, от

которого зазвенели хрустальные подвески люстр.

Дариан Морвейн сделал шаг вперёд.

Он двигался тяжело, чеканя шаг коваными сапогами по мрамору. Но смотрел он не на Северина и не на застывшую знать.

Он смотрел на трон.

Потому что базальт ожил снова.

Без прикосновения, без слов молитвы серые жилы в глубине камня вспыхнули не золотом — багрово-алым, хищным светом железа, вынутого из горна. Трон гудел, низко и утробно, вибрируя в унисон с шагами Королевской Руки. Магия не рассеялась в воздухе; она переливалась по ступеням, словно гончая, взявшая след, протягивая невидимые щупальца к человеку в траурном колете.

Трон узнал его. Трон помнил того, кто семь лет назад не дрогнул перед мольбами Люциана и спас столицу ценой чужой крови.

Тёмный венец над престолом медленно поднялся в воздух, окутанный трескучими искрами силы, и развернулся в сторону Дариана.

— Назад, — глухо бросил Морвейн.

Его лицо потемнело. Он не протянул руки к сиянию, напротив — его широкая ладонь инстинктивно опустилась на рукоять меча, словно перед ним был вражеский авангард.

— Я не Вальер, — отчеканил Дариан, и в его низком голосе прорезалась неприкрытая ярость. — Я слуга покойного

короля, а не претендент на его венец. Мой долг — держать клинок, пока законные судьи разбирают грамоты. Уберите это.

Но корона не слушала оправданий. Магия плеснула вперёд, ударив его в грудь тугой волной. Дариан качнулся, скрипнули сочленения доспеха, дыхание вырвалось из его груди с хрипом, но он устоял, упрямо впечатав сапог в гранитную плиту. Силовые линии оплели его предплечье, обжигая сквозь сукно рукава.

Эстель смотрела на него, и внутри неё всё переворачивалось от ярости, унижения и холодной, пронзительной ясности.

Вот кого искала эта проклятая машина. Не мудрости. Не справедливости. Ей нужен был тот, чья совесть уже была сломана и перекована в приказ. Человек, способный хладнокровно отрезать живое мясо от тела державы.

— Лорд Морвейн! — голос Северина наполнился торжествующей силой. Канцлер обернулся к залу, взмахнув широкими рукавами: — Древняя кровь отринута, но магия короны не оставляет Эрвальд сирым! Сам трон призывает Руку прежнего монарха! Закон чрезвычайного регентства гласит...

— Назовите статью, канцлер! — перебила его Эстель.

Она спустилась на две ступени вниз, оказываясь между Северином и оцепеневшим залом. Её голос звенел, как обнажённый клинок, в нём не осталось ни следа недавней сла-

бости.

Северин осёкся, удивлённо приподняв бровь:

— Ваше высочество, церемония завершена. Решение престола непререкаемо...

— Я спросила: назовите статью! — повторила она, глядя прямо в его холодные, водянистые глаза. — По какому параграфу Свода законов отказ магического артефакта лишает законного наследника права первородства и гражданской дееспособности? По какому уложению Рука монарха переступает через присягу династии без решения Собрания земель?

— Магия трона и есть высший закон, дитя моё, — мягко, с еле заметным ядом в голосе отозвался Северин. — Вы сами отказались от обета. Вы не можете защитить королевство. Страна без государя погрузится в хаос за считанные дни.

— Я не отказалась от трона, канцлер. Я отказалась лгать. И пока Высокий суд не утвердил акт об отречении, я остаюсь наследницей короны Эрвальда!

Она повернулась к Дариану.

Тот всё ещё тяжело дышал, борясь с давящей тяжестью магии, зависшей над его головой. Чёрно-золотой обруч парил в полуфуте от его висков, осыпая его плечи холодными искрами. Их взгляды встретились — яростный, обжигающий взгляд женщины, у которой отняли законное наследство, и тяжёлый, измученный взор солдата, на шею которого надевали железное ярмо.

— Вы возьмёте её, лорд Морвейн? — негромко, так, чтобы слышал только он, спросила Эстель. — Возьмёте корону моего отца из рук убийцы моего брата?

Челюсти Дариана сжались так, что на скулах заходили желваки.

— Я не искал этого трона, Эстель, — хрипло ответил он. — И никогда его не хотел.

— Тогда отступите!

Он открыл рот, чтобы ответить, но не успел.

В дальнем конце галереи с грохотом распахнулись кованые двери. Охрана у входа даже не успела поднять алебарды, когда в зал вбежал гонец в изодранном плаще пограничной стражи. Его сапоги оставляли на светлом мраморе грязные, мокрые следы, дыхание вырывалось из груди со свистом, а лицо было белым, как мел.

— Дорогу! Именем северных рубежей! — закричал он, падая на одно колено прямо посреди прохода. — Депеша маркиграфини Тарн совету и короне!

Северин нахмурился, раздражённо махнув рукой страже:

— Стража, выведите его! Здесь идёт священный обряд...

— Молчать! — рявкнул Дариан.

В его голосе больше не было сомнений — это был приказ главнокомандующего, выбитый годами походов. Гонец вскинул голову, протягивая медный тубус с красным шнуром срочной полевой почты:

— В час рассвета... погасла сигнальная башня на перева-

ле Орлиного Клыка! Печать Щита на северной карте меркнет! Силовая завеса старого короля рухнула вместе с его дыханием!

По рядам знати прокатился испуганный ропот.

В глубине зала, на стене за тронем, где висела огромная рельефная карта королевства из кованой меди и эмали, раздался сухой щелчок.

Эстель обернулась.

Один из семи изумрудных кристаллов, венчавших северный рубеж у границы с Кардором, медленно, неотвратно потускнел. Зелёное свечение, державшееся двадцать лет на присяге покойного Альрика, дрогнуло, подёрнулось серой дымкой и погасло окончательно.

— Конница Кардора перешла пограничную реку, — хрипло выкрикнул гонец в звенящую тишину. — Если барьер не поднять эдиктом трона прямо сейчас... к вечеру долина Кель будет сожжена дотла! Обычный приказ на лошадях по релейной дороге опоздает на три дня!

Северин повернулся к Дариану, и в глазах канцлера вспыхнуло торжество игрока, чей расчет сошёлся до секунды:

— Обычные указы бессильны, лорд Морвейн. Лишь Единый Трон может мгновенно пробудить угасший контур Щита на рубеже. Но трон подчинится только тому, кто назовёт себя владыкой.

Воздух в зале сгустился до предела. Все взгляды обрати-

лись к ступеням престола.

Над Дарианом парил золотой венец, исходящий багровым жаром. На карте Эрвальда одна за другой гасли сторожевые искры границы. А в трёх шагах от него стояла отвергнутая престолом наследница — прямая, бледная, с пылающими ненавистью и болью глазами, не отводящая от него взгляда.

Дариан посмотрел на гаснущую границу, затем — на Эстель. И медленно поднял руку к короне.

Глава 2

Дариан

Пальцы Дариана замерли в дюйме от золотого обруча.

Металл гудел мелкой, ядовитой дрожью, от которой сводило зубы. Жар, исходящий от престола, обжигал раскрытую ладонь, пах палёной пылью и застарелым озоном — запахом бури, запертой в тесной каменной клетки. Корона звала его, требуя подчинения, требуя головы.

В ушах всё ещё звенел голос Эстель. Чистый, хлёсткий, сорвавшийся на самом высоком звуке: «Убийца моего брата».

Дариан не шелохнулся. Под стальным горжетом напряглись жилы, но лицо осталось той же застывшей гранитной плитой, к которой за двадцать лет привык королевский двор. Он не имел права на обиду. Ненависть Эстель была законной, выстраданной и честной. Семь лет назад он сам закрыл решётку Западных ворот, сам отдал приказ караулу держать арбалеты наготове и лично слушал, как в тумане зачумлённого предместья хрипел Люциан. Он помнил каждую минуту той проклятой ночи. Оправданий он не искал тогда — не собирался искать и теперь.

Но прямо сейчас за стенами Астена умирали живые.

Дариан медленно опустил руку и повернулся к гонцу, стоявшему на коленях посреди зала.

— Встать, сержант, — голос Дариана прозвучал низко и сухо, разрезая панический шепоток знати, словно полоса кованной стали. — Докладывай по уставу пограничной службы. Без причитаний. Где прорыв?

Вестовой поднялся, покачиваясь от смертельной усталости. Дорожная грязь засохла на его щеках коркой, пальцы в промокших кожаных перчатках судорожно сжимали медный тубус депеши.

— Перевал Орлиного Клыка, милорд. Кардорцы перешли брод на первой заре. Три сотни тяжёлой латной конницы в первом эшелоне, следом пехотный полк маркграфа Вальдена с камнемётами. Как только старый государь закрыл глаза, бережный столб на заставе рассыпался в щебень. Магический купол сдуло, словно паутину на ветру. Маркграфиня Тарн успела развернуть третью когорту в теснине, но пехотинцам не удержать лаву кардорцев на открытом поле. Если Щит не замкнётся, к вечеру долину Кель вырежут до последнего ребёнка.

Дариан шагнул вниз со ступеней, сокращая дистанцию. Взгляд его привычно выхватывал детали: запекшаяся пена на сапогах, следы ремней на изодранном плаще, белки глаз, налитые кровью от бешеной скачки. Солдат не врал и не паниковал сверх меры. Он видел приближение бойни.

— Башенные оптические семафоры? — коротко бросил Дариан. — Вторая линия передачи на отрогах?

— Слепли, милорд. Зеркала заблокированы личной пе-

чатку Альрика. Со смертью короля шифр сбросился, механизмы встали на мёртвый запор. Сигналы в столицу не проходят.

Дариан резко повернулся к офицерам генерального штаба, сбившимся в кучку у западной колоннады:

— Интендантство. Сколько займёт доставка полевого приказа конной эстафетой через почтовые станции?

Пожилой полковник с седыми усами судорожно сглотнул, покосившись на канцлера, и выдавил:

— Трое суток, ваша светлость. Если менять жеребцов на каждом перегоне, не спать и молиться, чтобы осенние ливни не размыли переправу у Чёрного ручья. Трое суток — в лучшем случае.

«Трое суток».

Дариан стиснул зубы так, что желваки вздулись под кожей. Он слишком хорошо знал топографию северного хребта. Долина Кель была плодородной, узкой щелью меж двух гранитных хребтов: восемь богатых деревень, склады предгорных общин, женщины, старики и гарнизонная крепостца, рассчитанная лишь на то, чтобы прикрывать спину магическому куполу. Без Щита кардорская конница проутюжит эту лошину за четыре часа. А через трое суток штабные курьеры найдут там только обугленные срубы, колодцы, забитые трупами, и собак, гложущих обожжённые кости.

Кардор не выжидал. Кардор был хищным, прагматичным соседом, который десятилетиями держал клинок у горла Эр-

вальда и ударил ровно в ту секунду, когда законный порядок дал трещину.

— Вы слышите эти доклады, милорд? — Северин Кассар приблизился мягким, скользящим шагом. Серебряная цепь главы Совета на его груди мерцала холодным блеском. Канцлер говорил вкрадчиво, но его негромкий голос легко заполнил всё замершее пространство тронной залы: — Традиционные пути парализованы. Государство истечёт кровью, пока юристы будут составлять предписания. Единственный инструмент, способный мгновенно пробудить северную стену Щита — это Единый Трон. Но камень не повинует слугам. Камень подчиняется лишь тому, кто берёт скипетр.

Северин развернулся к собранию лордов, распахнув широкие парчовые рукава:

— Законная наследница собственным ртом отвергла коронационный обет! Совет не может допустить гибели провинций ради каприза девицы, испугавшейся тяжести долга! Мы обязаны ввести режим чрезвычайного управления, объявить леди Эстель отстранённой от наследования по причине несовместимости с властью и провозгласить государем того, кого указала древняя магия!

По рядам вельмож прокатился низкий, согласный ропот. Они боялись. В глазах судей и придворных стоял тот самый липкий, первобытный страх за свои поместья и шкуры, который всегда заставлял аристократов с лёгкостью перешагивать через закон и приносить в жертву вчерашних кумиров.

Дариан посмотрел на Эстель.

Она стояла у подножия помоста, неестественно прямая, бледная, словно вырезанная из слоновой кости. Её пальцы побелели, намертво вцепившись в ткань траурного платья, но подбородок оставался гордо вскинут. Ни слезинки. Ни тени мольбы. Лишь раскалённая, яростная ненависть во взгляде — и горькое, вымороженное ожидание неминуемого удара. Она ждала, что он сделает именно это. Что он растопчет её право, воспользуется её поражением и заберёт корону её отца. Она ждала от него подлости, потому что давно привыкла считать его чудовищем.

Под рёбрами Дариана заныла старая, тупая боль.

Нет. Он не был святым, но он никогда не был стервятником.

Дариан сделал тяжёлый, широкий шаг вперёд, заслоняя Эстель своей широкой спиной от плотоядных взглядов Совета, и упёр холодный взор прямо в переносицу канцлера.

— Придержите язык, Северин.

Голос прозвучал негромко, но в нём лязгнуло такое железо, что Северин осёкся на полуслове, а советники в первых рядах невольно подались назад.

— Я не Вальер, — отдельно произнёс Дариан, оглядывая оцепеневший зал. — В моих жилах течёт кровь пограничных порубежников, а не венценосцев. Мой отец пахал землю и держал пику, и я не собираюсь воровать чужое родовое имя, чтобы потешить вашу трусость. Если государству нужен щит

в час беды, мы пойдём по писаному закону, а не по вашей похоти.

Дариан поднял руку в латной перчатке, указывая на скамьи Высокого суда:

— Статья двадцать четвёртая Свода законов междуцарствия. В случае внезапного военного вторжения и отсутствия коронованного монарха Королевская Рука имеет право принять статус чрезвычайного регента. Исключительно для ликвидации внешней военной угрозы. Временно. До первого дня заседания Собрания земель.

Канцлер тонко прищурился, и в его водянистых глазах мелькнула досада:

— Но трон отверг леди Эстель...

— Трон отверг её слова в обряде, но трон не отменял статей Гражданского уложения! — отчеканил Дариан, повысив голос так, что под куполом отозвалось эхо. — Перед лицом Высокого суда, перед Советом и перед Небом я заявляю: леди Эстель Вальер сохраняет за собой полный, нерушимый статус Оспаривающей корону. Её гражданская и правовая дееспособность остаются неприкосновенными. Любая попытка Совета, канцелярии или отдельных сановников ограничить её в передвижении, лишить прав на отцовское наследство или запереть в обители без открытого судебного процесса будет расценена мной как мятеж против короны. А с мятежниками во время войны я говорю только на языке виселиц.

Тишина в зале звенела, как натянутая струна.

Северин медленно опустил руки, его губы сжались в узкую белую нить, но возразить он не посмел. Закон был на стороне Дариана, а за спиной Дариана стоял весь гарнизон столицы.

Дариан повернул голову вполоборота.

Эстель смотрела на него снизу вверх. На её фарфоровых щеках вспыхнул лихорадочный, смущённый румянец, губы слегка дрогнули. Она не ждала защиты от палача своего брата. Между ними висело густое, тяжёлое марево неразрешённых обид, взаимного презрения и того странного, запретного напряжения, от которого у Дариана на мгновение перехватило дыхание. Он не искал её благодарности. Он не пытался вымолить прощение за прошлое — кровь Люциана никуда не исчезла. Он просто поступал так, как велел ему солдатский долг.

— Прощение, — отрезал Дариан, отводя взгляд от её темнеющих глаз. — Трон не отзывается на мысли. Где формальный запрос Палаты Щита?

Судейский писарь, спотыкаясь о полы собственной мантии, выбежал к алтарю и протянул свиток из плотной, лоснящейся телячьей кожи. Алая сургучная печать ведомства обороны ещё пахла свежей гарью, а подпись маркграфини Тарн внизу была кривой, размазанной торопливым движением полевого пера.

Дариан развернул свиток. Глаза пробежали по строкам:

«Об экстренном развёртывании оборонительного контура северного рубежа в границах долины Кель».

Чётко. Адресно. Без попыток вписать в военную депешу политические требования.

— Зарегистрировано надлежащим порядком, — сказал он, возвращая свиток на алтарный камень.

Он развернулся и начал подниматься по семи ступеням чёрного гранита.

Каждый шаг давался телу тяжело, отдаваясь ноющей болью в старых ранах. Базальт под подошвами сапог больше не был холодным — он гудел, сотрясаясь от пульсирующего, хищного жара. Камень жаждал контакта. Тёмно-багровые жилы сплетались на поверхности трона, словно вскрытые артерии, ожидая своего часа.

Дариан остановился у подлокотника. Садиться на трон он не стал: сесть значило назваться государем, а он был лишь цепным псом этой державы, натянувшим поводок. Он положил обнажённую правую ладонь на грань престола, а левой прижал край прошения к алтарю.

Обруч Единой Короны с протяжным, металлическим стоном сорвался с воздуха и сомкнулся на его висках.

Удар был такой силы, что перед глазами полыхнула белая слепящая вспышка.

Не огонь — ледяная ярость древней магии вломила в его сознание, выбивая воздух из лёгких. Трон не создавал войска из праха и не сыпал зерном с небес. Древний арте-

факт был гигантским, чудовищным насосом, который моментально нащупал спящие магистрали империи, протянувшиеся на сотни миль к северу, и начал жадно выкачивать жизненную силу Дариана, чтобы оживить застывшие камни.

«Назови приказ! — гремело в висках, разрывая черепную коробку на куски. — Подчинись Единой Воле! Плати!»

Дариан сжал зубы так, что во рту появился солоноватый привкус собственной крови.

— Именем оборонного права Эрвальда, — выдавил он хриплым, ломающимся голосом.

А затем сила трона подхватила его связки, усилила в сотни раз и выплеснула наружу. Его голос раскатился по залу нечеловеческим, раскатистым громом, от которого зазвенели хрустальные призмы светильников:

— По законному прошению Палаты Щита... Приказываю: замкнуть защитный контур перевала Орлиного Клыка! Поднять барьер!

В ту же секунду на внутренней стороне его правого запястья вспыхнула дикая, неопишуемая мука.

Словно раскалённую докрасна кованую иглу медленно, с хрустом вогнали глубоко под кожу, распарывая живое мясо. Шерстяное сукно колета задымилось, запахло палёной плотью. Дариан глухо, по-звериному зарычал, чувствуя, как судорогой сводит предплечье, но руки от камня не оторвал. Сквозь мутную пелену боли он видел, как тонкая, иссиня-чёрная линия с крупными тёмного золота впивается в

его кожу у основания большого пальца и медленно ползёт вверх по руке, выжигая на плоти несмываемый след первой связанной печати. Ровно на три дюйма выше запястья линия замерла, остывая пульсирующим багровым ожогом.

Печать Щита забрала своё. Контур замкнулся.

В глубине тронного зала, на громадной настенной медной карте королевства, раздался сухой, оглушительный щелчок.

Погасший изумрудный кристалл на северной границе содрогнулся и вспыхнул ослепительным, чистым зелёным огнём. Свет брызнул по рельефным долинам, побежал по медным жилам, соединяя десятки сторожевых постов в сплошную светящуюся стену.

За сотни лиг от столицы, в узкой теснине Орлиного Клыка, в воздух ударила исполинская полупрозрачная стена силы. Кардорская кавалерия, летевшая во весь опор с обнажёнными палашами, на полном скаку врезалась в несокрушимый барьер Щита. Лошади ломали шеи, всадники вылетали из сёдел, захлебываясь собственным криком. Граница захлопнулась. Долина Кель осталась за спиной непобедимой твердыни.

Венец на голове Дариана ослабил хватку. Древний металл с тихим шипением отделился от висков и снова завис над базальтовой спинкой, окутанный мёртвыми искрами.

Дариан покачнулся и едва не рухнул на ступени. Он тяжело упёрся здоровой рукой в алтарный камень, жадно, со свистом хватая ртом душный воздух. Обожжённое запястье

нестерпимо саднило, ткань колета тлела; он торопливо сбил пальцами искры, чувствуя, как холодный пот заливает глаза. В черепе гудело, сердце колотилось с бешеным перебоем.

В зале стояла благоговейная, испуганная тишина.

А затем тишину разорвал чей-то восторженный выкрик:

— Слава регенту! Слава защитнику Эрвальда!

Зал взорвался криками облегчения. Трусливые лорды, ещё пять минут назад готовые бежать в родовые замки, теперь сгибались в подобострастных поклонах.

Северин Кассар склонил голову в безукоризненном, чинном поклоне. Лицо канцлера выражало глубочайшее почтение, но в глубине его прищуренных глаз Дариан увидел холодное торжество гроссмейстера, чей первый ход завершился безупречным успехом.

Дариан не слушал славословий. Опираясь на ножны палаша, он медленно спустился со ступеней помоста. Ноги казались налитыми чугуном, как после трёхдневного форсированного марша по болотам. Но страннее всего было другое: под рёбрами разливался непонятный, пустой холод. Не слабость. Не удушье. Словно внутри его груди образовалась гулкая, выстуженная брешь.

К нему торопливо подбежал дежурный офицер связи штаба, держа в руках узкую полоску пергамента, исписанную мелким, торопливым почерком:

— Ваша светлость... Оптический семафор нижнего уровня подтвердил: купол развёрнут, передовые эскадроны вра-

га разбиты об оберег. Но до замыкания рубежа... авангард Кардора успел смять передовой дозор на мосту.

Дариан взял пергамент здоровой левой рукой.

Вверху листа стоял заголовок: «Безвозвратные потери Третьей когорты при обороне перевала Орлиного Клыка».

Он опустил глаза на чёрные чернильные строчки.

Капитан Ронен. Пятьдесят два года. Старый служака с одышкой и перебитым коленом, с которым Дариан десять лет назад делил сухари в осаждённом лагере у Белых Скал. Человек, чьих дочерей Дариан помнил по именам и чью старшую обещал пристроить в столичную лекарскую гильдию.

Сержант Вейн. Весёлый балагур из Озёрного края, лучший лучник гарнизона, вечно таскавший в кармане деревянные свистульки для сирот.

Рядовой Керн. Рядовой Ломбар. Ещё три десятка пехотинцев первой линии.

Дариан вчитывался в имена, внутренне сжимаясь и готовясь к привычному удару. К той удушливой, тошнотворной волне вины и чёрной горечи, которая каждый раз скручивала его внутренности, когда он читал списки погибших солдат. К тому страшному грузу командирской ответственности, который он волок за собой всю свою жизнь, просыпаясь по ночам от взглядов мертвецов.

Но удара не было.

Внутри Дариана стояла мёртвая, идеальная тишина.

Он помнил, как хрипел Ронен, заливаясь смехом у кост-

ра. Помнил, как Вейн пел похабные куплеты на марше. Память не стёрлась — она осталась безупречно ясной, острой и детальной. Но из неё ушло всё тепло. Ушла боль. Ушла та раздирающая тоска, которая заставляла его чувствовать себя живым человеком среди чужой крови.

Они больше не были его боевыми товарищами.

Они стали строчками в балансовом отчёте. Тридцать четыре убитых, двенадцать раненых. Допустимый оперативный расход личного состава при удержании стратегической высоты до подхода основных сил. Чистая арифметика войны.

Ледяной озноб продрал Дариана от затылка до поясницы.

Он медленно опустил пергамент. Пальцы не дрожали. Дыхание было ровным, размеренным, как стук маятника в пустой комнате.

Трон не потребовал его жизни. Трон не сломал ему кости. Древний базальт выжег из его души способность оплакивать своих людей. За спасение рубежа он расплатился собственным сердцем.

Дариан поднял тяжёлый взгляд.

В десяти шагах от него стояла Эстель.

Она не кричала, не славila регента вместе с толпой. Её тёмные глаза неотрывно следили за каждым его движением, за тлеющим рукавом колета, за почерневшим ожогом на запястье и за тем, с каким пугающим, бесстрастным спокойствием он только что свернул скорбный список павших. Она

искала в его лице раскаяние. Она искала в нём опьянение внезапно свалившейся властью.

Но увидела лишь человека, чья душа только что затянулась первой коркой вечного, нетающего льда.

Глава 3

Эстель

Эстель отослала служанок ещё два часа назад: чужой испуганный шепоток и жалостливые взгляды горничных душили сильнее яда. В покоях восточного крыла, где она провела всю сознательную жизнь, пахло гарью от остывших каминов и застоявшимся воском. За окнами опускались сумерки.

На массивном дубовом столе перед ней лежали три тяжёлых кожаных фолианта — Свод установлений великого междущарствия, прецеденты Высокого суда и Регламент палат.

Эстель не зажгла верхнюю люстру. Ей хватало одной толстой свечи, отбрасывавшей неровную, пляшущую тень на пергаментные страницы. Пальцы правой руки до сих пор саднило: подушечки оставались белыми, онемевшими после ледяного удара базальтового трона. Но куда сильнее жгло другое — воспоминание о том, как сотни глаз провожали её со ступеней помоста. Как придворные лорды отводили взгляды, словно прокажённой, а затем в едином раболепном порыве склонялись перед человеком, чьи сапоги были испачканы пылью военных дорог и кровью её семьи.

В дверь не постучали — в неё мягко, уверенно поскреблись.

Эстель даже не подняла головы:

— Входите, Мира. Если вы пришли сказать, что карета к

ужным воротам уже подана, можете сэкономить дыхание.

Дверь отворилась. В комнату вошла Мира — старший секретарь Судебной коллегии, женщина тридцати пяти лет с острыми ключицами и цепким, пронизательным взглядом. Её серое форменное платье магистрата было безукоризненно застёгнуто на все пуговицы до самого подбородка. Под мышкой Мира держала тонкую папку из вощёной кожи.

— Карета действительно стоит у конюшен, ваше высочество, — спокойно, без тени подобострастия произнесла она, прикрывая за собой тяжёлую створку. — Четыре гвардейца канцлера, закрытый экипаж с мягкими рессорами и эскорт до летней резиденции в Зелёном Доле. Канцелярия Совета работает с поразительной скоростью, когда требуется кого-то похоронить заживо.

Эстель захлопнула толкования прецедентов, подняв небольшое облачко книжной пыли:

— Что подготовил Северин?

Мира положила папку на стол, прямо поверх пожелтевших страниц:

— Проект чрезвычайного постановления Совета. Формулировки безупречны с точки зрения придворной вежливости. Скорбь об утрате венценосного родителя, потрясение от священного обряда, временное помрачение духа и настоятельная рекомендация удалиться на покой под надзор почтенных стариц и личных лекарей. Вас не объявляют изменницей, нет. Вас просто вычёркивают из списков живых

участников политики. Акт о бессрочной гражданской недееспособности. Через час Совет соберётся на вечернее заседание в малой галерее, чтобы поставить печати.

Слова упали в тишину комнаты, отчётливые и холодные.

Эстель медленно поднялась из кресла. Подол траурного платья зашуршал о ковёр. В груди поднялась тугая, колючая волна ярости — не слепой девичьей обиды, а того ясного, расчётливого бешенства, которое заставляло её ум работать втрое быстрее.

Почётная ссылка. Мягкая постель, кружевные салфетки, тихий сад за кованой решёткой и вооружённая стража у калитки. Идеальная клетка для неудавшейся королевы, пока двое мужчин делят её наследство: один перекраивает провинции пергаментными эдиктами, а другой правит железной рукой, прикрываясь чрезвычайным положением.

— Они думают, что если трон не дал мне венца, я откажусь от права дышать? — Эстель раскрыла средний том на заложенной странице. Её палец резко упёрся в плотную строку текста. — Северин забыл, кто составлял опись кодексов при покойном короле.

Мира наклонилась к свече, вглядываясь в пожелтевшую вязь старинного шрифта:

— Древнее право Оспаривающей? Ваше высочество, этот закон не применяли полтора столетия.

— Но его никто не отменял, — отчеканила Эстель. — Если прямой наследник крови не прошёл таинство Единой Во-

ли, но не признан судом изменником или безумцем, он имеет право объявить себя Оспаривающим престол. Это замораживает передачу титула. Это даёт законный срок в тридцать дней до окончательного решения Собрания земель. И самое главное: Оспаривающий обязан присутствовать на каждом созыве Совета и сохраняет за собой право ведения гражданских дел.

Мира посмотрела на неё снизу вверх, и в строгих серых глазах юристки мелькнуло редкое, сухое уважение:

— Северин попытается оспорить дееспособность силой большинства голосов. Он скажет, что отказ престола равносильно умалишённости.

— Пусть попробует сказать это мне в лицо при полном составе палат. Дариан Морвейн сегодня днём при всех назвал мою дееспособность нерушимой. Он поклялся перед судьями. Посмотрим, чего стоит слово цепного пса моего отца.

Она не стала переодеваться в пышный наряд. Оставила глухое чёрное платье без украшений, лишь гладко зачесала тёмные волосы назад и заколола их серебряной шпилькой. Никаких слёз, никаких румян. Лицо белое, строгое, взгляд прямой и беспощадный.

Зал Малого совета был залит ровным светом настенных бра. Воздух здесь пах дорогим табаком, сургучом и нагретым деревом полированных кресел. За овальным столом сидели двенадцать человек — цвет столичной бюрократии, казначеи, верховные судьи и представители старых родов.

Во главе стола восседал Северин Кассар. Перед канцлером уже лежала развёрнутая хартия с большой красной подушечкой для оттиска государственной печати. По левую руку от него, чуть поодаль, сидел Дариан.

Регент сидел неподвижно, откинувшись на спинку высокого кожаного кресла. Он снял кирасу, оставшись в простом тёмном колете, но рукав правого предплечья был распорот и грубо перехвачен полотняной повязкой. Сквозь ткань проступал слабый запах травяной притирки и сухой гари. Лицо Морвейна казалось высеченным из серого гранита: глубокие тени залегли под глазами, губы сжаты, а серые глаза смотрели в одну точку на полированной столешнице с пугающей, мёртвой сосредоточенностью.

Когда тяжёлые дубовые двери с грохотом распахнулись и Эстель вошла в зал, не дожидаясь церемониймейстера, разговоры мгновенно смолкли.

Один из пожилых лордов поперхнулся вином. Северин медленно поднял глаза, и на его холёном лице на долю секунды мелькнула тень раздражения, тут же сменившаяся привычной, масляной улыбкой.

— Ваше высочество? — канцлер поднялся, склоняя голову в безупречном полупоклоне. — Мы полагали, что вы отдыхаете в своих покоях. Сегодняшний день был... чрезмерно тяжёл для ваших нервов. Совет как раз обсуждал меры для вашего полного покоя и безопасности.

Эстель подошла к столу. Она не стала садиться на свобод-

ный стул в конце ряда. Она встала напротив Северина, опёршись кончиками пальцев о полированное дерево.

— Я видела карету у конюшен, канцлер. И читала ваш проект. Можете вернуть свиток в архивную корзину.

Северин вздохнул с показным, отцовским сочувствием:

— Дитя моё, государство находится в состоянии войны. Кардор перешёл рубежи. Трон сделал свой выбор, как бы прискорбно это ни было для законной династии. Королевство не может позволить себе двоевластия. Вам нужно время, чтобы оправиться от удара престола. Мы позаботимся об Эрвальде.

— Вы позаботитесь о собственном кармане и праве единолично ставить печати, Северин, — спокойно, без тени крика произнесла Эстель, и каждое её слово прозвучало в тишине зала, как звон брошенной монеты. — Но законы этого королевства писались не вами.

Она извлекла из складок рукава сложенный лист гербовой бумаги с судейской отметкой и бросила его прямо на хартию канцлера:

— Статья сто двенадцатая Общего свода установлений. Я заявляю статус Оспаривающей корону. Моё заявление заверено старшим секретарём палаты правосудия четверть часа назад.

За столом послышались приглушённые вздохи. Лорды переглядывались.

Северин даже не взглянул на пергамент. Его тон стал

жёстче, бархат в голосе сменился сталью:

— Этот статус — архаизм эпохи феодальной раздробленности. Престол отверг вас лично. Вы не можете защитить народ. Совет имеет полное право отклонить ваше прошение ввиду очевидной неспособности претендента нести бремя власти.

— Совет не имеет такого права без решения Высокого суда в полном составе, — парировала Эстель, не отводя взгляда. — Если вы попытаетесь вывезти меня из Астена силой, это будет квалифицировано как государственный переворот и похищение члена королевского дома. Вы хотите суда прямо сейчас, канцлер? С публичным оглашением всех статей и допросом свидетелей при открытых дверях?

Северин прищурился. Уголки его рта дёрнулись. Эстель рассчитывала, что открытый процесс перед Собранием земель взорвёт столицу. Горожане любили Эстель, ремесленные гильдии знали её справедливость в налоговых тяжбах. Мятеж на улицах во время войны с Кардором был канцлеру не нужен.

Взгляд Северина метнулся влево:

— Лорд-регент. Вы приняли на себя бремя защиты короны. Вы командуете войсками. Скажите этой гордой девочке, что в дни осады армия не подчиняется схоластике столичных крючкотворов.

Эстель повернулась к Дариану.

Сердце под корсажем сжалось в тугую, болезненный узел.

Вся её судьба, всё её право стоять на этой земле сейчас зависели от человека, которого она винила в гибели Люциана. От солдата, который несколько часов назад получил в свои руки абсолютную власть Единого Трона. Достаточно одного его кивка — и гвардейцы выволокут её из зала, а история назовёт её сумасшедшей.

Дариан медленно поднял голову.

Его лицо было серым, почти пепельным. Но во взгляде не было ни торжества, ни высокомерия. Он посмотрел сначала на Северина — тяжело, немигающе, так, что канцлер невольно выпрямил спину. А затем перевёл глаза на Эстель.

Между ними словно натянулась раскалённая невидимая струна. Она видела, как плотно сжаты его губы. Чувствовала, как давит само его присутствие — массивное, угрюмое, пахнущее кровью и пеплом. Но в глубине его глаз застыла странная, леденящая пустота, от которой по спине Эстель пробежал холодок.

— Я уже сказал днём, Кассар, — голос Дариана прозвучал глухо, с хрипотцой человека, чьё горло обожжено едким дымом. — И повторять не стану. Леди Эстель Вальер пользуется всеми правами Оспаривающей. Я не нарушу закон ради вашего удобства.

Северин побагровел:

— Вы связываете себе руки, регент! Оспаривающая требует места в Совете! Доступа к депешам!

— Пусть берёт, — Дариан даже не шелохнулся. — У ме-

ня нет времени разбирать торговые тяжбы, считать пошлины на солонину и спорить с городскими старостами. Моё дело — рубежи. Статья сто двенадцатая даёт ей тридцать дней. За эти тридцать дней она либо докажет Собранию земель, что способна предложить работающую систему управления без права единого приказа, либо покинет дворец по решению суда.

Он перевёл тяжёлый взор на Эстель:

— Гражданский портфель ваш, леди Вальер. Городские учреждения, казначейские выписки, продовольственные склады и внутренняя переписка. Если вы считаете, что государством можно управлять без топора и жертв — покажите это на бумагах. Срок пошёл с этой минуты.

Эстель почувствовала, как воздух наконец вернулся в её лёгкие. Улыбнуться она не смогла: за отведённый месяц надо было собрать доказательства, а пока у неё оставались только подозрения.

— Зарегистрируйте статус, канцлер, — холодно бросила она Северину.

Северин молча, скрипя зубами, прижал тяжёлую серебряную печать к её заявлению. Оттиск на красном сургуче застыл уродливым рубцом.

— Заседание окончено, — бросил Дариан, поднимаясь с кресла.

Советники торопливо повалили к выходу, стараясь не встречаться глазами ни с регентом, ни с наследницей. Севе-

рин вышел одним из первых, даже не поклонившись, лишь бросив на Эстель ядовитый, многообещающий взгляд.

В зале остались только двое.

Дариан не уходил. Он стоял у дальнего конца стола, опираясь здоровой рукой на резную спинку кресла. Забинтованное правое предплечье висело неподвижно.

Эстель подошла ближе, остановившись в трёх шагах. Пространство между ними словно сгустилось, заискрило от невысказанных слов. Она видела испарину на его висках, видела, как неестественно прямо он держит спину, преодолевая слабость.

— Не думайте, что я благодарна вам, лорд Морвейн, — её голос звучал негромко, но резал, как тонкое лезвие. — Вы не подарили мне эту власть. Вы просто не посмели нарушить букву закона на глазах у дюжины свидетелей.

Дариан медленно повернул к ней голову. В его глазах не промелькнуло ни раздражения, ни упрёка. Лишь та же давящая, стылая пустота.

— Я не ждал вашей благодарности, Эстель. И никогда не стану её выпрашивать.

— Вы напрасно рассчитываете, что мы станем союзниками, — она сделала шаг вперёд, заглядывая прямо в его непроницаемое лицо. — Вы можете играть в благородного защитника перед Советом. Но для меня вы остаётесь тем, кто приказал закрыть ворота перед Люцианом. Я помню каждую каплю его крови. И если за эти тридцать дней я найду способ

законно лишить вас регентства и отправить под суд за всё, что вы сделали — я сделаю это без колебаний.

Дариан смотрел на неё сверху вниз. Он был выше на голову, шире в плечах, от него веяло холодом и опасностью зверя, загнанного в угол. Но его голос оставался пугающе ровным:

— Найдите этот способ, ваше высочество. Если сможете. Но пока вы его ищете — управляйте городом так, чтобы люди не подошли с голоду до первого заседания Собрания.

Он развернулся, намереваясь направиться к дверям штабной анфилады, но сделать второй шаг не успел.

В галерее послышался торопливый, сбивчивый перестук подкованных сапог. В зал влетел дежурный распорядитель Колосовой палаты — в расстёгнутом форменном сюртуке, с пером за ухом и серым от смертельного страха лицом.

— Милорд регент! Леди Эстель! — задыхаясь, выкрикнул чиновник, спотыкаясь о порог. В его дрожащих руках трепетал свиток с жёлтой лентой ведомства снабжения. — Беда! Из нижних хранилищ пришла экстренная ведомость!

Дариан замер, резко обернувшись:

— Что с запасами?

Чиновник судорожно сглотнул, переводя дикий взгляд с регента на наследницу:

— Северные обозы задержаны из-за боёв на перевале... Восточные купцы заперли амбары, почуяв войну, и требуют тройную цену золотом! В городских элеваторах Астена... муки и зерна осталось ровно на четыре дня! Через четыре дня

столице нечем будет кормить гарнизон и горожан!

Тишина зала снова стала оглушающей.

Эстель посмотрела на желтоватый пергамент в руках чиновника, а затем — на Дариана. На его искалеченную руку, где под повязкой спала чудовищная мощь престола, готовая в любую секунду выжечь очередную проблему ценой человеческой души.

Четыре дня. Её тридцать дней на доказательство только что сократились до девяноста шести часов.

Глава 4

Эстель

Сырой утренний туман с реки полз по мостовым Нижнего города, смешиваясь с запахом дешёвого угля и кислой опары. Астен ещё не голодал вслух, но улицы уже ползли нехорошим, лихорадочным гулом. У дверей казённых пекарен стояли хвосты очередей: женщины в серых платках, кутая под мышки младенцев, молчаливые ремесленники с пустыми холщовыми мешками, косившиеся на конные разъезды городской стражи. Слухи опережали рассвет. Говорили, что старый король умер, на севере Кардор перебил армию, а новый регент уже велел опечатать амбары, чтобы кормить одних солдат.

Эстель шла вдоль каменных стен приречных элеваторов, кутаясь в дорожный шерстяной плащ поверх простого платья. Траурный бархат остался во дворце. Здесь, среди скрипа канатов, окриков грузчиков и запаха речной тины, корона казалась не золотым обручем, а тяжёлой мерой ржи, которую каждый вечер взвешивают на весах портового смотрителя.

Сзади, тяжело ступая подкованными сапогами по осклизлым доскам причала, шёл Дариан.

Он держался в трёх шагах позади, не вмешиваясь, но его присутствие давило на плечи осязаемой, холодной тяжестью. Правая рука регента покоилась на перевязи, свежие льняные

бинты на запястье были пропитаны горькой мазью из болотного корня, заглушавшей запах гари. Он почти не спал этой ночью. Под его серыми глазами залегли глубокие, тёмные тени, щетина на впалых скулах стала гуще, но шаг оставался размеренным, как у часового на стене осаждённой крепости.

— Вы зря тратите часы, ваше высочество, — негромко произнёс канцлер Северин Кассар.

Северин шёл рядом с Эстель, придерживая край богатой собольей накидки, чтобы не задеть пыльные мешки у входа в Главный свод. На его гладком лице не было и следа ночной усталости. В руках секретарь канцлера нёс длинный узкий ларчик из полированного ясеня, в котором лежало готовое постановление Совета.

— Городские элеваторы пусты на три четверти, — продолжал Северин мягко, убеждающе, словно читал проповедь неразумному ребёнку. — Зерновые баржи застряли на среднем плёсе: шлюзовые смотрители боятся войны и отказываются открывать створы без предоплаты чистым серебром. Торговые дома востока заперли свои личные склады на всякие замки. Они ждут настоящей паники, чтобы поднять цену на муку впятеро. Бумагой и уговорами этих людей не накормить.

Канцлер остановился перед массивными коваными воротами королевского элеватора и повернулся к Дариану:

— Лорд Морвейн, Палата Колоса уже составила формуляр прощения. Одно слово трона — и закон чрезвычай-

ной реквизиции активирует древнюю печать. Магия Колоса мгновенно вскрыет частные амбары по всей провинции, перенаправит зерновые обозы в столицу и установит твердые цены силой государственного принуждения. Зачем мучить наследницу подсчётом пустых кулей, когда спасение столицы требует лишь росчерка пера на алтарном камне?

Эстель резко развернулась к канцлеру. Её щёки ожгло холодным ветром, но взгляд был твёрд:

— Силой государственного принуждения, Северин? А кто вернёт восточным провинциям то, что вы у них отберёте? Или вы забыли бунт Пяти Речин три года назад, когда мой отец забрал урожай озимых под расписки казначейства, а потом объявил расписки недействительными? Если регент применит эдикт Колоса сейчас, мы накормим Астен на две недели, но к зиме потеряем весь восточный фланг. Крестьяне просто сожгут поля, чтобы не отдавать хлеб столичным чиновникам даром.

— Зато сегодня столица не взбунтуется, — холодно отозвался Северин. — Политика — это выбор меньшей гибели, леди Вальер. Позвольте регенту исполнить долг.

Эстель посмотрела на Дариана.

Регент стоял, прислонившись широким плечом к каменному косяку ворот. Его искалеченная рука висела неподвижно, пальцы здоровой левой лежали на поясе. Он слушал их спор молча, и в его взгляде не было сочувствия ни к доводам канцлера, ни к её тревоге. В нём чувствовалась лишь страш-

ная, выверенная мерка солдата, привыкшего считать людей в строю и суточные пайки.

— У вас есть другое решение, Эстель? — глухо спросил он. Его низкий голос заставил чиновников канцелярии замолчать. — Городу нужно двенадцать тысяч четвериков муки в сутки. На складах лежит запас на четыре дня, если урезать рацион гарнизона на треть. Что вы собираетесь делать, когда истекут эти девяносто шесть часов? Уговаривать муку появиться из воздуха?

— Я собираюсь открыть то, о чём канцелярия Совета предпочитает молчать, — отчеканила она.

Она повернулась к застывшему у дверей смотрителю элеваторов, пожилому человеку с испуганными глазами и связкой ключей на поясе:

— Отпирайте нижний пороховой коридор, мастер Корн. Смотритель побелел, метнув панический взгляд на Северина:

— Ваше высочество... помилуйте! Там запечатано личной сургучной печатью короны ещё при прошлом моровом поветрии! Вход туда запрещён статьёй казначейского устава...

— Отпирайте, — повторила Эстель с такой ледяной уверенностью, что старик вздрогнул, торопливо сорвал с пояса самый длинный железный ключ и бросился к тяжёлой железной двери в глубине галереи.

Дариан шагнул следом за ней. Северин нахмурился, его

тонкие губы сжались в узкую нить.

Тяжёлая створка со скрежетом подалась, обдав их запахом лежалого зерна, пыли, сухого мышинного помёта и горьковатой затхлости.

Факелы в руках стражников выхватили из тьмы бесконечные ряды сложенных до самого сводчатого потолка джутовых мешков.

— Исключённый резерв покойного короля, — сказала Эстель, проходя между штабелями. Пыль скрипела на зубах, оседала на шерсти плаща. — Семь тысяч четвериков отборной яровой пшеницы. Его заложили пять лет назад на случай долгой осады и вывели из общих ведомостей Совета, чтобы лорды не растащили запасы на праздничные раздачи.

Она подошла к ближайшему ряду, достала из складок плаща узкий латунный щуп для проверки зерна и резко вогнула его в плотное брюхо нижнего мешка.

Посыпалась желтоватая струйка.

Эстель подставила ладонь, поднесла зёрна к лицу, потерла между пальцами и тяжело выдохнула.

Чудес не бывало.

Верхняя треть зерна была сухой и крепкой, но снизу, где мешки соприкасались с сырым речным камнем фундамента, зерно отсырело, подёрнувшись сероватым налётом плесени. Треть неприкосновенного запаса была испорчена сыростью.

Северин подошёл ближе, брезгливо взглянув на её ладонь: — Вот ваша спасительная тайна, леди Вальер? Гнилая со-

лома и прель? Половина этого зерна вызовет чёрную сыпь в рабочих кварталах. Даже если вы очистите уцелевшее, это даст городу лишние двое суток. Всего двое суток. А потом городские ворота снесут голодные горожане.

— Двое суток — это время, которого у нас не было утром, — оборвала его Эстель, стряхивая испорченные зёрна на пол. — Двое суток чистого хлеба, пока мы приведём в город зерновые баржи.

Она повернулась к выходу из подвала, где у дверей стоял ещё один человек, поднявшийся с набережной вслед за их свитой.

Тевен Рот.

Представителю приречных зерновых провинций было за пятьдесят. Широкоплечий, с обветренным до медного оттенка лицом, с мозолистыми руками богатого землевладельца и упрямым взглядом хозяина, знающего цену каждому колосу на своей земле. На его грубом суконном камзоле висела медная цепь гильдии речных перевозчиков. Он знал Эстель ещё по затяжным, изнурительным слушаниям поземельного налога в Королевской палате два года назад.

— Мастер Рот, — обратилась к нему Эстель, не дожидаясь церемониймейстеров. — Ваши баржи стоят у Чёрного мыса. Двенадцать плоскодонок с зерном нового урожая. Почему они не разгружаются на столичных пристанях?

Тевен медленно снял войлочную шляпу, оглядел собравшихся — канцлера, молчаливого регента с искаленной ру-

кой и наследницу с запачканными мучной пылью пальцами.

— Потому что я не дурак, ваше высочество, — голос Тевена звучал сухо и скрипуче, как мельничный жёрнов. — Старый король приказал долго жить. В казначействе сидят шакалы Северина, которые уже три месяца не платят по векселям за весеннюю доставку. Если я велю шкиперам причалить к Астену сейчас, ваши сержанты сгрузят рожь, выдадут моим парням гербовые расписки, а через неделю Совет объявит, что казна пуста из-за войны на севере. Мои крестьяне не едят королевские печати, госпожа Вальер. Им нужна серебряная монета, соль и железо.

— Вы ставите свои барыши выше жизни подданных державы? — вкрадчиво вмешался Северин, и в его голосе прорезалась угроза. — По законам военного положения...

— Замолчите, канцлер! — резко оборвала его Эстель.

Она сделала два быстрых шага к Тевену, сокращая расстояние, и посмотрела прямо в его прищуренные, недоверчивые глаза:

— Он прав, Северин. Государство обманывало провинции слишком долго, чтобы требовать верности в долг.

Она перевела дыхание, чувствуя, как внутри всё сжимается от чудовищной ставки, которую она собиралась сделать:

— Мастер Рот. Никаких пустых расписок Совета. Прямо сейчас, своей властью главы гражданского управления по статусу Оспаривающей, я подписываю залоговое распоряжение. Мы отдаём вашим гильдиям в обеспечение уцелевшую

треть королевского резерва — сухое зерно высшего качества из сухого яруса. Вы получаете его немедленно, в свои амбары, по твёрдой цене. Кроме того, королевская пошлина на проход речных судов через пороги отменяется для ваших перевозчиков на три года вперёд.

Тевен вскинул брови. На его грубом лице проступило изумление, пополам с недоверием:

— Беспошлинный проход на три года? Канцлер никогда не подпишет такую льготу. Казна потеряет четверть речного сбора.

— Канцлеру не придётся этого подписывать, — отчеканила Эстель, доставая из кожаной сумки Миры чистый лист пергамента и чернильницу. — Гражданский портфель находится в моих руках по закону междуцарствия. Это моя подпись. Моё имя. Если через три месяца Совет попытается аннулировать эту грамоту, я лично встану перед Собранием земель и подтверждаю ваш иск против короны.

Она положила лист прямо на запылённый мешок с пшеницей, обмакнула перо и вывела четкие, размашистые строки, закрепляя соглашение.

В тишине подвала было слышно лишь царапанье кончика пера о пергамент.

Северин стоял белый от сдерживаемой ярости:

— Вы связываете руки будущей короне, леди Вальер. Вы раздаёте доходы казны мятежным провинциалам!

— Я покупаю хлеб для голодного города, Северин, пока

вы пытались заставить регента выжечь из себя ещё один кусок души, — не поднимая головы, бросила она.

Она подула на влажные чернила, прижала к теплomu воску свой личный перстень с гербом Вальеров и протянула грамоту Тевену.

Тевен Рот медленно взял пергамент. Его пальцы, загрубевшие от пеньки и зерна, осторожно провели по оттиску печати. Он перевёл взгляд с документа на Эстель — долгий, оценивающий, тяжёлый.

— Баржи подойдут к городской набережной к закату, — глухо сказал он. — Но если вы обманете, госпожа Вальер... больше ни одно зерно из Речин не попадет в столицу, даже если вы спалите нас дотла.

— Не обману, — сказала она.

Тевен коротко поклонился — не раболепно, а как равный партнёр, заключивший рискованную сделку, — и торопливо зашагал к выходу, пряча грамоту за пазуху.

Эстель выпрямилась. В глазах на секунду потемнело от бешеного напряжения последних минут, но она удержала равновесие, опершись о край деревянного помоста.

Она повернулась к Дариану.

Регент всё так же стоял у косяка, глядя на неё немигающим, тяжёлым взглядом. В полумраке подвала очертания его высокой, широкой фигуры казались вырубленными из того же базальта, что и трон в замке.

— Вы недовольны, лорд Морвейн? — спросила она, и в

её голосе, вопреки усталости, зазвенел металл. — Я отдала доходы пошлин. Уступила провинциям права, которые мой отец берёт как зеницу ока. Но я не тронула ваш трон. И вам не придётся платить за этот хлеб своей кровью.

Дариан оттолкнулся от стены и сделал к ней два шага.

Он остановился так близко, что Эстель почувствовала запах полыни от его повязки и холодный сквозняк, шевельнувшийся прядь волос у её виска. Его взгляд скользнул по её бледному, упрямому лицу, по пятну белой мучной пыли на рукаве её платья.

— Вы выиграли двое суток на резерве и ещё трое — на баржах Тевена, — сказал он. Голос звучал ровно, почти бесстрастно, но в глубине зрачков застыло что-то тёмное, пугающе внимательное. — Пять дней. Честным договором и уступками. Это хорошая работа, Эстель. Лучшая, чем я ждал от девицы, воспитанной в парадных покоях.

Она вскинула подбородок:

— Вы удивлены, что закон может накормить людей без топора палача?

— Закон держится, пока сыты те, кто его исполняет, — отрезал он, и его губы тронула горькая, сухая усмешка. — Вы дали им надежду на бумаге. Но бумага не гасит бунты, когда улицы охвачены паникой. Если зерно не окажется в пекарнях сегодня к вечеру, толпа не станет читать ваши грамоты с гербовыми печатями. Они сожгут эти амбары вместе с нами.

— Оно будет в пекарнях, — твердо ответила она. — Я

сама прослежу за распределением.

— Проследите, — тихо бросил Дариан, отступая на шаг. — А я выставлю вокруг набережной два батальона копеейщиков. На случай, если ваше слово окажется слабее человеческого страха.

К полудню город ожил лихорадочной, тревожной деятельностью.

Эстель распорядилась открыть первые четыре секции сухого резерва. На площади перед городскими весами выстроились тяжелые повозки. Под присмотром Миры и судейских писарей мешки с пшеницей взвешивали, клеймили и немедленно отправляли в общественные пекарни нижних приходов. Запах свежемолотой муки на мгновение перебил смрад речной гари, и ропот в толпе начал стихать. Люди видели зерно. Они видели, что мешки везут из королевских запасников, а у распределительных столов стоит сама наследница, лично проверяя каждую ведомость.

К шести вечера туман над рекой сгустился, обращаясь в морозящую, холодную сыпь.

На горизонте показались темные силуэты первых плоскодонок Тевена Рота. Тяжелые баржи, осевшие под грузом ржи почти до самых планширей, медленно подходили к причалам под крики рулевых. Казалось, кризис отступает. Хрупкое, собранное из уступок и договоров равновесие начало работать.

Эстель стояла на верхней галерее досмотровой башни,

сжимая озябшими пальцами каменный парапет. Ветер трепал полы её плаща. Рядом Мира быстро сверяла списки прибывших грузов:

— Семь барж встали под разгрузку, ваше высочество. Ещё пять войдут в рукав до полуночи. Если мукомолы отработают ночь без остановки, к рассвету во всех восьми округах начнут выдавать горячий хлеб по установленной цене. Мы справились. Без чрезвычайного положения.

Эстель не ответила.

Тревога, сидевшая глубоко под сердцем с самого утра, не отпускала. Воздух на набережной был слишком густым, слишком наэлектризованным. В толпе зевак, собравшихся у портовых складов, мелькали странные фигуры — крепкие мужчины в длинных куртках с надвинутыми на брови капюшонами, которые не вставали в очередь за хлебом, а перешептывались, держась поближе к деревянным эстакадам элеваторов.

— Где лорд Морвейн? — спросила она, оглядывая темнеющую площадь.

— В штабе караула, у Западного моста, — отозвалась Мира, поднимая голову от бумаг. — Проверяет смену постов... Договорить она не успела.

Снизу, со стороны центрального зернохранилища — самого высокого деревянного строения с сухими запасами пшеницы — донёсся глухой, раскатистый треск, похожий на удар грома.

А затем тьму разорвала ослепительная, багровая вспышка.

Огненный шар взметнулся над крышей элеватора с чудовищным гулом. Стены старого здания, пропитанные сухой мучной пылью, вспыхнули мгновенно, словно были сложены из сухой бересты. Ветер с реки подхватил пламя, швыряя снопы искр на соседние навесы и мешки с утренней выгрузкой.

Воздух наполнился удушливым запахом горящего хлеба — страшным, сладковато-горьким смрадом уничтожаемой жизни.

— Пожар! — истошно закричали на набережной. — Горим! Измена!

Толпа у весов колыхнулась и с диким, звериным воем ринулась вперед. Люди сбивали с ног писарей, переворачивали телеги, топтали упавших. Мужчины в надвинутых капюшонах с криками: «Нас предали! Зерно сожгли нарочно!» врубались в ряды растерянной стражи с короткими дубинками и факелами наперевес.

— Назад! — закричала Эстель, перегибаясь через парапет. — Держите ворота! Не пускайте к баржам!

Но её голос утонул в реве огня и паническом вопле сотен глоток.

На пристани вспыхнул второй пожар — загорелся деревянный трап, ведущий к головной плоскодонке Тевена. Речные матросы, спасая груз, начали топорами рубить причаль-

ные канаты, отталкивая баржи шестами обратно в темные речные воды, подальше от горящего ада на берегу.

Сзади на лестнице послышались тяжелые, торопливые шаги.

Дариан взлетел на площадку башни. Его лицо было покрыто черной копотью, колет расстегнут, здоровой рукой он сжимал обнаженный палаш, по лезвию которого стекала чужая кровь.

— Вниз, Эстель! Немедленно! — рявкнул он, хватая её за плечо и оттаскивая от края. — Это не случайная искра. Кто-то забросил в вентиляционные окна кувшины со смолой и горючим маслом одновременно с трёх сторон! Они знали, где лежат сухие вентиляционные ходы!

Она вырвала плечо из его хватки, глядя расширенными от ужаса глазами на пылающий гигантский факел элеватора.

Своды центрального хранилища с грохотом обрушились внутрь, выбросив в ночное небо столб искр высотой с колокольню. Семь тысяч четвериков уцелевшего резерва, мука, заготовленная для пекарен, надежда пяти дней — всё пожирал ненасытный, ревуший огонь.

Жар ударил им в лица, высушивая слезы на щеках.

К башне, задыхаясь от кашля и дыма, взбежал портовый смотритель, его руки были обожжены, одежда дымилась:

— Милорд... ваше высочество... огонь перекинулся на нижние подвалы! Сухой ярус уничтожен полностью! Баржи испугались огня и уходят вниз по течению... У нас оста-

лось... уцелело только то, что успели вывезти в две приходские лавки...

Смотритель упал на колени, хватая ртом воздух:

— Зерна в городе осталось... ровно на сутки. До завтрашнего вечера.

Эстель замерла, глядя на ревущее пламя.

Её аккуратные расчеты, её бессонные часы над архивами, выбитый у Тевена договор, уступки и пошлины — всё превратилось в горсть чадающего пепла за четверть часа. Медленная, человеческая система управления, которую она пыталась выстроить голыми руками, захлебнулась в огне организованной, беспощадной бойни.

Дариан медленно опустил палаш.

Он повернулся и посмотрел на неё сквозь багровые отсветы пожара. На его перевязанном запястье, под слоями белого полотна, тонкая иссиня-чёрная линия печати Щита вдруг вспыхнула тревожным, багровым жаром, отзываясь на запах крови и катастрофы.

— Вы доказали, что умеете договариваться, Эстель, — произнёс он с мёртвым, леденящим спокойствием, перекрывавшим вой толпы внизу. — Но голод не станет ждать, пока вы найдёте новых купцов.

Он повернулся к лестнице, ведущей в город, где ревела обезумевшая от страха толпа:

— Завтра утром город начнёт убивать за корку хлеба. И решать это придётся мне.

Глава 5

Дариан

Запах сгоревшего хлеба был страшнее запаха пороховой гари. Сладковатый, удушливый чад обугленного зерна стлался над набережной Астена, оседая на зубах липкой сажей.

Дариан стоял на продуваемой ветром галерее караульного цейхгауза и смотрел вниз. Там, в полусотне шагов под ним, город трещал по швам.

Пламя в центральном хранилище сбили только к полуночи, завалив тлеющие остовы балок речным илом и мокрым песком. От семи тысяч четвериков уцелевшего резерва осталась лишь гора дымящейся черной золы. А внизу, у перекрытых брустверами выходов с набережной, бурлила шеститысячная толпа. Гул сотен глоток не затихал ни на минуту. Он то взмывал паническим бабьим воем, то опускался до глухого, утробного рычания сотен озлобленных мужчин, сжимавших в руках дубины, пекарские ухваты и тесаки.

Городская стража держала цепь из последних сил. Железные оковки щитов вздрагивали под градом булыжников, вывороченных из мостовой. Копейщики третьей когорты стояли в три шеренги, опустив наконечники на уровень груди, но Дариан видел, как дрожат лезвия в руках молодых новобранцев. Еще час — и в толпе прольется первая кровь. А за первой кровью последует пожар, который не потушить всей

водой пограничной реки.

— Ворота на мельничную улицу уже подпирают бревнами, милорд, — хрипло доложил офицер связи, прижимая к разбитой щеке окровавленный платок. — Если бунтовщики прорвутся к складам солидного купечества, начнется резня. Там частная охрана с арбалетами на крышах. Они станут стрелять на поражение.

Дариан не ответил.

Он повернул голову. За длинным дубовым столом штабного поста сидела Эстель.

Она не ушла во дворец. Наотрез отказалась от эскорта, от кареты и от чая с медом, который пыталась сунуть ей перепуганная прислуга. Её траурное шерстяное платье было испачкано сажей, правый рукав надорван у локтя, на бледном виске чернел след копоти. Но пальцы, сжимавшие костяной черенок ножа для резки пергамента, лежали на столе ровно.

Перед ней лежали крохотные, уцелевшие ведомости — остатки того, что успели вывезти до взрыва в приходские лавки Святого Иуста и Кожевников.

— Девятьсот четвериков муки, — её голос звучал глухо от дыма, но в нем не было слез. Ни одной. Лишь сухое, упрямое бешенство. — Если смешать с отрубями и ячменной крупой, пекарни Верхнего города протянут до завтрашнего заката. Нижний получит по полфунта на взрослого. Но после заката... муки не будет вообще.

— После заката толпа разорвет ворота цейхгауза и вздер-

нет нас на фонарях, леди Вальер, — раздался от дверей бархатный, размеренный голос.

Северин Кассар вошел в караулку в сопровождении четверых личных гвардейцев.

Канцлер успел сменить парадную мантию на плотный темный плащ, подбитый куньим мехом. Ни единого пятна сажи на тонком шелковом шарфе. Ни единой взмокшей пряди в безупречно седых волосах. В руках его секретарь благоговейно держал узкий футляр из красного дерева с серебряной застежкой.

— Вы проиграли эту ночь, ваше высочество, — Северин остановился у края стола, слегка склонив голову. В его тоне звучала почтительная, ядовитая скорбь. — Ваша вера в добросовестность провинциалов и честные договоры похвальна. Но огонь не читает параграфы Свода законов. Тевена Рота и его плоскодонок на реке больше нет — шкиперы испугались поджога и увели баржи вниз по течению к своим границам. Утром Астен проснется голодным. А голодный Астен сожжет сам себя за двенадцать часов.

Канцлер повернулся к Дариану:

— Прошение Палаты Колоса готово, лорд-регент. Подпись главы продовольственного департамента заверена по всем правилам канцелярии. Государственная необходимость очевидна: угроза массового голодного бунта и разрушения столицы в условиях внешней войны.

Секретарь с щелчком откинул крышку футляра. На стол

лег свиток пергамента с массивной желтой сургучной печатью ведомства запасов.

— Что там написано, Северин? — негромко спросил Дариан.

Его правая рука, стянутая тугой холщовой повязкой от запястья до локтя, глухо ныла. Ожог первой печати пульсировал под тканью тяжелым, колючим жаром, отзываясь на каждую мысль о троне.

— Полная чрезвычайная реквизиция, — отчеканил канцлер. — Печать Колоса дает Единой Короне право взломать все частные амбары в радиусе семидесяти лиг. Она подчинит речные заставы, отменит все провинциальные иммунитеты и принудительно направит все запасы зерна, зернобобовых и солонины в столицу. Мы введем карточную норму, установим военные трибуналы для спекулянтов и накормим город за три дня.

— Вы разорите восточные провинции! — Эстель резко поднялась на ноги, уперев ладони в стол. Её темные глаза пылали. — Если вы заберете у них все зерно под эдикт чрезвычайщины, зимой там начнется мор! Крестьяне Речин перережут скот и уйдут в леса, а к весне у нас не будет даже семенного фонда под яровые!

— Зато сегодня ночью Эрвальд останется с головой на плечах, — отрезал Северин, поворачиваясь к ней всем корпусом. — Государство — это голова, леди Вальер. Руки и ноги могут потерпеть лишения. Если падет Астен, погибнут

и провинции. Лорд Морвейн, решайте. Или вы отдаёте эдикт Колоса сейчас, пока толпа не прорвала брустверы, или к расцвету вы будете командовать гарнизоном среди пепелища.

Тишина в тесной караулке сгустилась до духоты.

За окнами треснуло бревно — внизу, на баррикаде, толпа попыталась поджечь телегу с песком. Коротко, истошно взвизгнула лошадь, офицеры замерли, глядя на регента.

Дариан посмотрел на Эстель.

Она не просила. Не заламывала рук. Но в её побелевшем лице, в том, как судорожно сжались её тонкие пальцы на кромке стола, сквозило отчаяние загнанного зверя. Она понимала расчеты лучше Северина. Она знала, что за этим эдиктом начнется цепная реакция: грабеж провинций, ненависть к столице, разорванная ткань хрупкого союза, который она пыталась сплести из взаимных уступок.

Но Дариан знал и другую правду. Жестокую, математическую правду солдатской логистики.

У них не было времени на новые переговоры. Не было трех дней, чтобы послать гонцов к Тевену Роту и убедить речников вернуться. Через шесть часов взойдет солнце. Женщины выйдут к пустым прилавкам. Мужчины увидят оцепление. Если в печах не задымит мука, начнется штурм продовольственных цейхгаузов. Солдаты опустят копья. И к полудню улицы Нижнего города будут залиты кровью сотен горожан.

«Выбирай, — шептал холодный голос внутри. — Чужая

кровь на мостовой сейчас — или разорение чужих амбаров через месяц».

Дариан подошел к столу. Его сапоги скрипнули по доскам, усыпанным сажей.

Он протянул здоровую левую руку и взял свиток канцлера.

— Я не подпишу проект Канцелярии, Северин, — глухо сказал он.

Северин дернул щекой:

— Милорд, вы не можете рисковать...

— Закройте рот, — отчеканил Дариан, не повышая голоса, но в его сером взгляде лязгнуло железо полевого суда. — Я сказал: этот проект я не подпишу. Трон не получит права тотального грабежа.

Он повернулся к писарю штаба:

— Перо и чернила. Живо.

Дрожащий парень метнулся к столу, подавая гусиное перо и флакон с густой черной жижей.

Дариан прижал край пергамента ладонью и перечеркнул широким крестом две трети текста Северина — все статьи о бессрочной реквизиции, конфискации семенного фонда и праве военного суда над провинциальными старостами.

— Мы формулируем ограниченный эдикт Колоса, — раздельно произнес Дариан, выводя быстрые, угловатые строчки. — Сфера применения: только транзитные обозы и речные баржи, уже находящиеся на релейных дорогах и водных

путях в радиусе сорока лиг от Астена. Никаких вторжений в стационарные деревенские амбары. Никакого изъятия озимых запасов.

Он поднял глаза на Северина, чей фарфоровый лоб покрылся мелкой сеткой морщин:

— Казначейство замораживает в центральном хранилище обеспечение чистым золотом под каждую меру реквизированного хлеба. По твердой, довоенной цене. Перевозчикам выдаются не филькины грамоты Совета, а именные закладные расписки короны с правом немедленного погашения, как только откроется навигация.

— Вы связываете себя долгом перед торговцами в разгар войны! — процедил канцлер, потеряв привычную масляную мягкость. — Трон дает силу повелевать, а вы торгуетесь, словно ростовщик на базаре!

— Я не торгуюсь, Кассар. Я не даю вам повода спалить половину страны ради спасения вашего собственного кресла, — бросил Дариан, обмакивая перо в последний раз. — Эдикт действует ровно семь суток. Ровно столько, сколько нужно, чтобы доставить в город транзитный хлеб и заставить мукомолов работать в три смены.

Он бросил перо на стол и посмотрел на Эстель.

Она смотрела на него снизу вверх, и в её взгляде не было облегчения. Было понимание. Она увидела, что он попытался сделать: он не предотвратил насилие трона, но загнал его в узкие, железные тиски необходимости, оставив провинци-

ям шанс на выживание.

— Это всё равно разорвет их доверие, — тихо сказала она. В её голосе звучала неподдельная горечь. — Тевен не простит принудительной остановки барж.

— Знаю, — ответил Дариан. — Но завтра твои пекарни будут печь хлеб. А мертвым доверие ни к чему.

Он взял исправленный пергамент и направился к выходу.

— Готовьте тронный зал, — бросил он адъютантам. — И держите цепь на набережной. Ни одного выстрела до моего возвращения. Ни одного.

Зал Единой Короны встретил его мертвой, гулкой тишиной.

Свечи в настенных бра горели тускло, сквозняк гонял по гранитным плитам холодный уличный пепел, проникший через вентиляционные решетки. Базальтовый монолит престола возвышался на семи ступенях, темный, немой и голодный.

Дариан поднимался медленно. Каждый шаг отзывался тупой пульсацией в обожженной руке.

Он не верил в слепую судьбу. Двадцать лет службы научили его, что за каждым великим деянием стоит чья-то спина, сломанная под непосильной ношей. Но то, что ждало его наверху, не имело отношения к воинской службе.

Это был торг с бездной.

Он остановился перед престолом. Опустил исправленный свиток на холодный камень алтарной тумбы.

Обруч Единой Короны, парящий над базальтовой спинкой, дрогнул.

Золото ожило мгновенно. На этот раз трон не присматривался, не проверял его кровь. Он узнал носителя. Густой, утробный гул прошел по основанию ступеней, поднимаясь по подошвам сапог прямо в кости.

Дариан положил раскрытую левую ладонь на грань престола.

— По законному прошению Палаты Колоса, в границах чрезвычайного снабжения столицы... — его голос, подхваченный магией, сразу сорвался на чудовищную, низкую вибрацию, от которой завибрировал воздух в легких. — Приказываю: замкнуть контур продовольственных путей. Направить транзитные караваны зерна в пределы Астена. Печать Колоса, открой заставы!

Венец ударил в виски.

Боль пришла не сверху. Она разорвала его тело изнутри.

Словно раскаленный металлический штырь вонзился в правое предплечье — ровно в ту точку, где замерла первая черная отметина Щита. Сквозь ткань льняной повязки повалил едкий, белый дымок. Запахло жженым мясом.

Дариан стиснул зубы так, что послышался хруст эмали, но не отдернул руки.

Сквозь мутную пелену перед глазами он видел, как из-под бинтов пробивается тонкий, иссиня-черный след, мерцающий золотыми крупичками. Новая линия вырвалась из старо-

го шрама и поползла вверх по руке, огибая сухожилия, прожигая кожу до кости, поднимаясь к самому локтевому сгибу.

Трон брал свою плату.

Древняя инфраструктура зашевелилась на десятки миль вокруг. Заставы распахивали ворота перед королевскими разъездами, башенные семафоры колотили медными пластинами, передавая шифрованные приказы перехвата, тяжелые баржи на реке принудительно разворачивали рули под дулами арбалетов гарнизонных катеров. Магия не создала ни единого колоска — она сломала чужую волю, заставив чужой хлеб двигаться в пасть голодающего Астена.

«Принято», — проскрежетало в висках, сотрясая череп.

Корона ослабила хватку.

Дариан рухнул на одно колено, уперевшись ладонями в гранит помоста. Его трясло крупной, ознобной дрожью. Дыхание вырывалось из горла хриплыми, рваными толчками. С подбородка на камень упали две тяжелые капли пота.

Он поднял правую руку. Повязка сгорела, обнажив свежую, сочащуюся сукровицей плоть. Вторая линия — печать Колоса — замерла ровно над локтем, остывая уродливым, глубоким рубцом.

Боль в обожженной плоти была невыносимой. Но под ребрами...

Под ребрами снова разверзлась та самая, уже знакомая пустота.

Она не была похожа на усталость. Это было ощущение хи-

рургического разреза, сделанного в самой глубине естества: словно от него отсекли еще один кусок, прижгли рану раскаленным железом и засыпали пеплом.

Дариан медленно поднялся. Спустился по ступеням, не глядя на застывших в благоговейном страхе гвардейцев у дверей.

— На коней, — бросил он дежурному сотнику. — В Нижний город.

Рассвет вставал над Астеном грязно-серый, промозглый, сквозь пелену осенней мороси.

На площади у Речных ворот, где еще ночью ревела обезумевшая толпа, теперь стояла тяжелая, настороженная тишина. Оцепление держало периметр, но щиты были опущены.

С восточной релейной дороги, оглашая сырой воздух скрипом немазанных колес и хриплым гиканьем возниц, в город втягивался первый обоз. Сорок тяжелых повозок с мукой и сухарями, перехваченных эдиктом у поворота на купеческие тракты. За ними по реке, под конвоем двух речных галер, медленно подходили три арестованные баржи Тевена Рота.

Хлеб был в городе.

Женщины в очередях плакали, прижимая к груди холщовые мешки. Мужчины молча стягивали шапки, глядя, как сержанты распаковывают первые тюки с зерном у общественных пекарен. Страх рассеялся, сменившись тяжелым, стыдным облегчением толпы, которую только что выдернули

из петли.

Дариан спешился у входа в узкий кривой переулок Кузнецов — самое сердце Нижнего города.

Он не надевал плаща. Шел прямо в колете с распоротым рукавом, обмотанным свежей тряпкой, не обращая внимания на ледяную морось, оседавшую на лице.

Он знал эти улицы до последнего булыжника.

Здесь, в вонючих подвалах за скотобойнями, он провел первые три года после того, как шестнадцатилетним оборванцем пришел в столицу из порубежного гарнизона. Здесь, в крохотной лавке старого медника Бруно, он спал на соломенном тюфяке под верстаком, прячась от сыщиков за драку с хозяйским сыном. Здесь жила тетка Марта, торговка пареной репой, которая тайком совала ему, голодному новобранцу, горячие краюхи ржаного хлеба.

Он помнил этот квартал как свои корни. Он терпел столичную спесь, ненавидел дворцовых шелкоперов и выносил надменность старого Альрика только ради того, чтобы у этих грязных, вечно работающих людей оставался хотя бы призрак защиты от барской жадности. Это было его якорной стоянкой — тем единственным местом на земле, которое он мысленно называл домом.

На углу переуллка стояла та самая лавка.

Она не изменилась за тридцать лет: те же покосившиеся дубовые ставни, закопченная медная вывеска над входом. На пороге стоял хозяин — не старый Бруно, давно умерший от

грудной жабы, а его сын, хромой Томас, с которым Дариан в юности делил одну кружку кислого эля.

Томас постарел, обрюзг, фартук его был перепачкан мучной пылью. В руках он держал деревянный ковш с теплой водой.

Увидев приближающегося регента в окружении офицеров, Томас замер. Его глаза расширились от суеверного, благоговейного ужаса. Он выронил ковш, упал на колени прямо в дорожную грязь и ударил лбом в мокрые доски крыльца:

— Ваша светлость... Милорд Дариан... Заступник! Хлеб привезли... Печи топят! Век за вас молиться будем, благодетель вы наш...

Дариан остановился в двух шагах от крыльца.

Он смотрел на согнутую спину хромого Томаса. На грязные пятки его стоптанных башмаков. На закопченную вывеску с изображением медного чайника.

И ждал.

Он ждал того знакомого, щемящего чувства под ложечкой — чувства возвращения к своим. Той глухой, теплой гордости, которая всегда поднималась в груди, когда удавалось отвести беду от бедняков, не имевших голоса в Совете. Того ощущения братства с улицей, давшей ему силу подняться до Королевской Руки.

Внутри не шевельнулось ничего.

Абсолютная, стеклянная тишина.

Память работала безупречно. Он помнил, как Томас сло-

мал ногу, упав с лесов. Помнил, как они вместе прятали краденую медь от цехового старосты. Все факты, даты, имена лежали на своих полках в голове, ясные и четкие.

Но эти улицы больше не были его домом.

Этот хромой пекарь больше не был его товарищем.

Они стали просто цифрами плотности населения в секторе четыре. Городскими единицами потребления зерна на квадратную милю. Податным сословием, чье выживание необходимо для функционирования гарнизонных служб и поддержания санитарного порядка в крепостных стенах.

Дариан почувствовал, как к горлу подступает ледяная тошнота.

Он не просто спас их ценой чужого хлеба. Он заплатил за это своей способностью любить их.

— Встань, Томас, — голос Дариана прозвучал сухо, чужой и безжизненный, как скрип железных петель. — Следи, чтобы в пекарне муку не разбавляли толченым мелом. За воровство при военном положении — виселица. Без скидок на старое знакомство.

Томас поднял голову. На его лице застыло недоумение, переходящее в тихий, леденящий страх. Он не узнал парня, который когда-то дрался за него на кулачках. Перед ним стоял чужой, мертвый вельможа в окровавленном колете.

Дариан развернулся на каблуках и пошел обратно к лошадям.

Эстель ждала его во внутреннем дворе комендатуры.

Она стояла у коновязи, кутаясь в дорожный плащ, глядя, как первые телеги с мешками въезжают в ворота гарнизонной пекарни. Лицо её осунулось, под глазами залегли темные круги, но спина оставалась прямой.

Когда Дариан спешился и подошел ближе, её взгляд мгновенно упал на его правую руку.

Свежая повязка была пропитана кровью и гарью почти до самого локтя. Черная ткань колета на плече задралась, обнажая темный, неровный край новой выжженной полосы, поднимавшейся по предплечью.

Она сделала шаг навстречу, всматриваясь в его лицо с той острой, пугающей проницательностью, от которой невозможно было укрыться.

— Город сыт, — сказала она тихо. В шуме разгружаемых телег её голос звучал почти интимно. — На семь дней. Северин уже разослал циркуляры о вашей великой победе над голодом.

Дариан остановился в полушаге от нее. Ветер донес до него слабый запах лавандового мыла от её волос — странный, чистый запах посреди чада пожарища.

— Вы получили то, что хотели, Эстель, — произнес он. Голос был ровным, лишенным интонаций. — Люди не убивают друг друга на улицах. Пекарни работают.

Она не отвела взгляда. Её темные глаза вглядывались в его зрачки — долго, мучительно, пытаясь нащупать там хоть искру торжества или злости. Но нашла лишь ту же засты-

шую, мертвую пустоту, которая испугала её вчера у тронного помоста. Только теперь эта пустота стала глубже.

— Что это было, Дариан? — спросила она, и её голос на мгновение дрогнул. — Не врите мне. Первый раз вы сказали, что спасаете границу. Теперь — хлеб. Что делает этот трон, когда вы берете его в руки?

Дариан медленно поднял правую руку, глядя на темные бинты, сквозь которые сочилась сукровица.

— Он не берет жизнь, — глухо сказал он. — Он оставляет воспоминания целыми. Я помню каждое лицо. Помню каждое обещание, которое давал в своей жизни.

Он опустил руку и посмотрел прямо в её широко распахнутые глаза:

— Но он выжигает то, чем я держался за этот мир. Первый эдикт забрал моих погибших солдат. Я помню их имена, но больше не могу их оплакивать. А этот... этот забрал улицы, на которых я вырос.

В глазах Эстель отразился неподдельный, затаенный ужас. Она медленно покачала головой, не веря собственным ушам:

— Вы... вы теряете себя.

— Каждый эдикт что-то забирает, Эстель, — отчеканил он с беспощадной, вымороженной ясностью. — И следующий заберет еще. Так что ищите свой закон. Ищите быстрее. Потому что когда придет третий кризис, я снова сделаю то, что должен. И в этом городе останется на одну вещь меньше, ради которой мне стоит дышать.

Глава 6

Эстель

Эстель не спала третью ночь подряд.

Утренний свет сочился сквозь высокие стрельчатые окна Малой галереи, серый и холодный, словно речная вода. Дождь над Астеном стих, но город не согрелся. От каменных стен тянуло застарелой сыростью, а в воздухе всё ещё висел едва различимый, горький дух вчерашней гари.

Перед ней на полированном дубовом столе стояла чашка остывшего отвара из можжевельных ягод, к которому она так и не прикоснулась. В висках тонко, монотонно стучало. Но усталость была пустяком по сравнению с тем, что осело в памяти после рассветного разговора у гарнизонной комендатуры.

«Он выжигает то, чем я держался за этот мир».

Слова Дариана звучали в ушах так же отчётливо, как скрип свежих бинтов на его руке.

Эстель смотрела на свои пальцы, сложенные в замок на стопке судебных бумаг. Она презирала этого человека семь долгих лет. Она ненавидела его за смерть Люциана, за каменную глухоту у Западных ворот, за солдатскую безжалостность, не знавшую пощады. Но сегодня утром перед ней стоял не триумфатор, упивающийся захваченной короной. Перед ней стоял человек, методично, шаг за шагом сдирающий

с себя собственную душу ради того, чтобы уличные торговцы получили фунт муки.

И самое страшное заключалось в том, что магия работала.

Астен был сыт. Обозы разгружались, печи дымили, ремесленники расходились по мастерским. Чудовищная машина престола доказала свою безупречную, смертоносную пользу. Если Совету удастся сохранить всё как есть, Дариан будет применять трон снова и снова — при каждой засухе, при каждом бунте, при каждой пограничной стычке. Пока от генерала, помнившего законы чести, не останется пустое железное чучело, способное лишь отдавать приказы о казнях.

Дверь в кабинет тихо скрипнула.

Мира вошла неслышно, неся в руках тяжелую стопку подшивок в серых кожаных переплётках. Старший секретарь коллегии выглядела безупречно собранной, несмотря на то что провела ночь на набережной: темные волосы уложены в строгий узел, воротник накрахмален, на указательном пальце блестел след от свежих чернил.

Она опустила стопку на стол перед Этель. Дерево глухо отозвалось на тяжесть бумаг.

— Канцелярия Совета разослала циркуляр во все тринадцать гильдий, — произнесла Мира, садясь напротив без приглашения. В её тоне не было подобострастия; она говорила как законник, привыкший взвешивать факты. — Северин объявляет спасение столицы личным подвигом регента. Ни единого слова о сгоревшем складе. Ни единого слова о том,

что зерно взято силой и должно быть компенсировано золотом. Канцлер готовит общественное мнение: народу внушают, что трон — единственный защитник, а любые гражданские процедуры — лишь помеха в час беды.

— Северин строит культ необходимости, — отозвалась Эстель, коснувшись пальцами корешка верхней папки. — Если люди поверят, что спасти их может только царственный приказ, они сами приползут на коленях и попросят лишить их всех прав.

— Но зерно действительно пришло благодаря эдикту, ваше высочество, — сухо напомнила Мира, и её серые глаза сузились. — Это факт. Горожане не станут разбираться в юридических тонкостях, пока в их котлах варится каша. Если вы хотите бороться с канцлером, вам нужен не манифест об оскорблённой справедливости. Вам нужен инструмент, который свяжет руки и Северину, и Морвейну.

Эстель подняла глаза на секретаршу:

— И вы пришли предложить мне этот инструмент?

— Я пришла напомнить вам о пределах, — отчеканила Мира. Она подалась вперёд, положив узкие ладони на стол. — Вы наследница крови, леди Вальер. Но если вы намерены встать во главе гражданской власти, закон должен иметь власть и над вами. Если мы ограничим регента, но оставим вам право действовать по личному произволу из благородных побуждений — мы просто заменим одного тирана другим. Вы готовы подчинить каждый свой шаг судебному над-

зору? Готовы к тому, что коллегия сможет наложить вето на ваши распоряжения, если сочтёт их превышением полномочий?

Эстель выдержала её немигающий взгляд. Внутри на мгновение шевельнулась привычная гордость королевской дочери, воспитанной повелевать. Но она подавила её усилием воли. Мира была права. Система, державшаяся на честности одного идеального правителя, была той же самой ловушкой, в которую три века назад угодил Эрвальд.

— Занесите это в проект соглашения, — ровно ответила Эстель. — Любой мой гражданский эдикт требует контра-сигнатуры профильной палаты и регистрации в судебном реестре. Никаких исключений для венценосной крови.

Мира едва заметно кивнула, и в уголках её тонких губ мелькнуло подобие одобрения:

— В таком случае проект готов. Регент ждёт в Синем кабинете.

Синий кабинет помнил ещё деда Эстель. Здесь никогда не проводили пышных приёмов: узкая комната с тёмными дубовыми панелями и тяжёлыми портьерами предназначалась для тайных военных совещаний во время осады.

Дариан стоял у застеклённого эркера, заложив здоровую левую руку за спину. Правая рука, туго запелёнутая в свежий белый холст от запястья до самого локтя, покоилась на широкой шёлковой перевязи. В утреннем свете его профиль казался высеченным из грубого камня: глубокая складка меж

бровей, жёсткая линия челюсти, серые глаза, устремлённые вниз, на внутренний двор, где караульные меняли посты.

Когда дверь закрылась за Мирой, Дариан не обернулся сразу. Лишь его плечи едва заметно напряглись под сукном тёмного походного колета.

— Вы не спали, — глухо произнёс он, не поворачивая головы.

Голос звучал сухо, со знакомой хрипотцой, от которой по коже Эстель пробежала волна колючего, настороженного внимания.

— Как и вы, лорд Морвейн, — она прошла к длинному столу, заваленному картами предместий, и остановилась по другую сторону резной доски.

Дариан медленно повернулся.

Вблизи следы двух эдиктов читались на нём с пугающей отчётливостью. Он не казался сломленным физически — его мощная фигура всё так же подавляла пространство комнаты, от него исходила та же опасная, сжатая сила старого волка. Но взгляд изменился. Из него ушла та тёплая, въедливая цепкость, с которой он прежде оглядывал столичных франтов. Теперь его глаза напоминали остывшую сталь: они фиксировали расстояния, предметы, углы комнат, но больше не искали человеческого отклика.

И всё же, когда его взор остановился на лице Эстель, в его зрачках на мгновение промелькнуло что-то тёмное, острое и сосредоточенное. Словно её присутствие остава-

лось для него последней точкой сопротивления в мире, где всё остальное стремительно теряло смысл.

— Город спокоен, — сказал Дариан, подходя к столу. Его сапоги тяжело ступали по ковру. — Зерновые караваны подошли к восточным заставам. Нам хватит хлеба на неделю.

— Ценой двух сожжённых жизней внутри вас, — тихо, но твёрдо произнесла она, глядя прямо на его перевязь. — Сначала товарищи по оружию. Теперь память о людях, среди которых вы выросли. Сколько ещё выдержит ваше тело, Дариан? Семь эдиктов? Десять?

Он вздрогнул. Услышав своё имя без титула и чина, он замер, вперив в неё тяжёлый, немигающий взгляд.

— Вы пришли оплакивать мою душу, принцесса? — в его голосе прорезалась сухая, горькая усмешка. — Напрасный труд. Я сделал то, что требовалось для спасения пятидесяти тысяч горожан. И сделаю снова, если Кардор пойдёт на штурм или чума перешагнёт реку.

— Я пришла не оплакивать вас, — отрезала Эстель, и в её голосе зазвенел металл. Она сделала шаг вперёд, уперев ладони в край стола. — Я пришла остановить вас. Потому что каждый раз, когда вы надеваете этот проклятый обруч, вы спасаете государство сегодня ценой того, что завтра править им будет некому. Через пять эдиктов вы станете живым мертвецом. А Северин будет стоять за вашей спиной и вкладывать вам в руки нужные пергаменты.

Челюсти Дариана сжались так, что на скулах вздулись

желваки:

— У вас есть выбор лучше? Запретить мне касаться трона? И что мы сделаем, когда кардорцы подкатят к стенам осадные башни? Встретим их со свитками законов в руках и подохнем с чистой совестью?

— Нет, — она не отвела глаз, выдерживая его давящую ярость. — Я знаю, что не могу потребовать от вас клятвы никогда не использовать трон. Война реальна. Опасность реальна. Если враг прорвёт ворота, а у нас не останется солдат, я сама поднесу вам этот венец. Но до тех пор, пока остаётся хотя бы один человеческий шанс решить дело без магии, трон должен молчать.

Она извлекла из складок рукава сложенный лист плотной гербовой бумаги и развернула его на столе между ними.

— Акт о сопредельном управлении, — раздельно произнесла Эстель. — Мы не станем ждать тридцать дней, пока Совет душит нас поодиночке. Мы разделим власть прямо сейчас, перед лицом Высокого суда и Собрания палат.

Дариан опустил глаза на строчки, выведенные безупречным почерком Миры.

— Говорите суть, — потребовал он.

— Гражданское управление полностью переходит ко мне, — начала Эстель, загибая пальцы. — Городские гильдии, казначейские счета, продовольственные склады, распределение припасов, суды и внутренняя полиция. Вы не вмешиваетесь в гражданские указы. Ни один гарнизонный офицер не

смеет арестовать горожанина или изъять телегу без подписи моего магистрата.

— А я?

— За вами остаётся статус регента и чрезвычайное военное командование, — продолжила она, глядя ему в глаза. — Армия, пограничные заставы, оборона стен и магия Щита на случай прямого вторжения. Но самое главное... — она указала пальцем на средний параграф документа: — Канцелярия прошений лишается права подавать запросы к престолу втайне от меня. Все чрезвычайные прошения, поступающие от ведомств, сначала ложатся на мой стол. Я получаю сорок восемь часов на поиск бескровного решения. И только если гражданская система докажет своё полное бессилие, прошение передаётся вам.

Дариан молчал.

Он стоял, нависая над столом, и в тишине кабинета было слышно лишь его глубокое, размеренное дыхание. Его здоровая рука медленно опустилась на спинку тяжелого кресла, пальцы сжались на тёмном бархате.

— Вы понимаете, что требуете, Эстель? — негромко спросил он.

В его голосе больше не было насмешки. Была страшная, свинцовая серьёзность.

— Я требую права спасти эту страну без топора, — ответила она.

— Вы берете на себя половину плахи, — отчеканил он.

— Если в городе кончится уголь и дети начнут мерзнуть в домах — виноваты будете вы. Если купцы откажутся везти соль — отвечать будете вы. Северин не станет бить по мне, он начнёт топить вас в жалобах, неурожаях и забастовках. А когда вы оступитесь, я не смогу прикрыть вас своей силой, потому что вы сами связываете мне руки этой бумагой.

— Я не прошу вас прикрывать меня, — её голос звучал чисто и ровно, без тени сомнения. — Я прошу вас не стрелять мне в спину.

Они стояли друг напротив друга — разделённые шириной стола, разделенные годами вражды, пролитой кровью её брата и чудовищной бездной трона. Но сейчас, в этом застывшем полумраке кабинета, между ними возникло нечто новое. Не прощение. Не внезапная нежность. Жестокое, спаянное общей бедой равенство двух людей, ступивших на подвесной мост над пропастью.

— Хорошо, — сказал Дариан.

Он выдвинул из-под стола чернильницу из темной бронзы, взял гусиное перо здоровой левой рукой и уверенным, тяжелым росчерком поставил свою подпись под текстом акта:

— На людях вы — Оспаривающая, я — регент. Никаких слабостей перед Советом.

— А здесь? — тихо спросила она, когда он поднял перо. Дариан посмотрел на неё. Впервые за всё утро его взгляд задержался на её бледных губах, на пряди волос, выбившей-

ся из-под заколки, на живой, горячей пульсации жилки у неё на шее.

— Здесь мы те, кто держит этот замок от падения, — ответил он. — Эстель.

Она коротко перевела дыхание, чувствуя, как внутри разливается странное, обжигающее тепло, и опустила своё перо рядом с его подписью:

— Дариан.

Зал Малого совета был полон до отказа.

Северин Кассар восседал во главе длинного стола, окружённый старшими советниками. Перед канцлером лежала стопка свежих депеш из восточных провинций. На его холёном, гладком лице застыло выражение глубокой озабоченности, призванное скрыть тихое торжество: победа над голодом укрепила позиции регента, а значит, и позиции Канцелярии, державшей руку на пульсе престола.

Когда двери распахнулись и в зал вошли Дариан и Эстель — бок о бок, сопровождаемые Мирой, — разговоры за столом стихли на полуслове.

Канцлер медленно поднялся, приложив руку к груди:

— Ваша светлость. Леди Вальер. Совет как раз обсуждал необходимость расширения чрезвычайных полномочий регента. В свете вчерашнего успеха Палаты Колоса мы полагаем разумным передать городские склады под прямой надзор военной комендатуры...

— Сядьте, канцлер, — оборвал его Дариан.

Его голос хлестнул по тишине зала, словно щелчок бича. Северин замер, его брови удивлённо взметнулись вверх.

Дариан не стал занимать председательское место. Он остановился у середины стола, положив здоровую руку на эфес палаша. Эстель встала рядом с ним — прямая, строгая, в простом тёмно-синем платье с серебряным поясом Оспаривающей.

Мира шагнула вперёд и положила перед канцлером скреплённый двумя свежими сургучными печатями пергамент.

— Акт о разграничении чрезвычайного управления, — громко, на весь зал огласила Мира. — Подписан лордом-регентом и леди Эстель Вальер полчаса назад. Зарегистрирован в книге Высокого суда за номером семьдесят два.

Северин опустил взгляд на документ. По мере того как его глаза пробегали по параграфам, маска невозмутимого величия на его лице начала осыпаться. Тонкие губы сжались, в уголках глаз залегли жесткие тени.

— Что это за фарс? — процедил канцлер, поднимая тяжёлый взгляд на Дариана. — Регентство неделимо! Вы не имеете права передавать гражданские функции лицу, чей статус оспаривается Собранием земель! Государство не может служить двум господам во время войны!

— Государство не станет служить одному безумцу, готовому сжечь себя за полгода, — отчеканила Эстель, глядя прямо в глаза канцлеру. — Статья сорок вторая Свода установлений прямо указывает: до созыва Соборания земель

гражданские ведомства подчиняются законному наследнику крови, если он заявил статус Оспаривающего и утверждён регентом. Вы сами цитировали этот свод вчера, Северин. Или закон меняется в зависимости от того, чья подпись стоит под эдиктом?

Один из верховных судей на дальнем конце стола торопливо поправил очки, вглядываясь в копию акта:

— Формуляр безупречен, господин канцлер. Подпись регента действительна. Полномочия разделены строго в рамках оборонного права.

Северин шумно выдохнул через нос. На его виске вздулась тонкая синяя жилка. Он понял: его переиграли. План замкнуть все рычаги власти на сломленном, теряющем человечность регенте дал трещину. Между тронem и прошениями Канцелярии встала женщина, знавшая законы не хуже любого столичного крючкотвора.

— Вы совершаете роковую ошибку, лорд Морвейн, — негромко, с ядовитой горечью произнёс Северин, глядя на Дариана. — Вы отдаёте хлеб и золото тем, кто не способен принять жестокое решение в час нужды.

— Я отдаю управление тем, кто умеет считать, — отрезал Дариан. — С этого часа Канцелярия прошений обязана дублировать все входящие чрезвычайные запросы в аппарат леди Вальер. Нарушение порядка будет караться по законам военного времени. Заседание закрыто.

Советники начали подниматься, перешёптываясь вполго-

лоса и опасливо косясь на застывшего во главе стола канцлера. Северин не двинулся с места. Он молча смотрел на пергамент перед собой, и в его холодных, прищуренных глазах тлела немая, беспощадная ненависть.

Полдник застал Эстель в архиве гражданской канцелярии — пыльном, заставленном высокими стеллажами зале на нижнем ярусе дворца.

Сюда, по её личному распоряжению, Мира велела доставить общие регистрационные книги Канцелярии прошений за последние три месяца. На столах громоздились тяжелые тома в переплётах из грубой свиной кожи, пахло лежалой бумагой, кислым клеем и железными чернилами.

Эстель сидела у окна, сжимая в пальцах узкую полоску воска, которой отмечала подозрительные записи.

Дверь отворилась. Вошла Мира, неся ещё одну пухлую папку с сургучными шнурами. Лицо секретарши было серым от напряжения.

— Я заставила клерков Северина выдать журнал первичного приёма депеш, — сказала она, опуская ношу на угол стола. — Они сопротивлялись два часа, ссылаясь на регламент тайной переписки, пока я не пригрозила им гарнизонным досмотром.

— Что там? — Эстель подняла голову от книги.

Мира села рядом, придвинув к себе толстый том с золотым тиснением на корешке:

— Я сверила даты. Помните внезапный прорыв Кардо-

ра на перевале Орлиного Клыка? Первую депешу о падении
обережного столба?

— Разумеется, — нахмурилась Эстель. — Она пришла на
рассвете в день коронации.

— Верно, — Мира открыла журнал на нужной странице
и ткнула ногтем в ровную строчку чернил. — Пограничное
прошение Палаты Щита поступило в Канцелярию за шесть
часов до церемонии. В полночь. Но зарегистрировано оно
было только в полдень — аккуратно в ту минуту, когда трон
отверг ваш обет.

Холодная дрожь пробежала по позвоночнику Эстель.

— Его задержали?

— Не просто задержали, — Мира перевернула страни-
цу, переходя ко второму кризису. — Смотрите сюда. Проше-
ние Палаты Колоса о нехватке зерна. Сигнальные ведомости
с восточных складов о блокировке барж пришли позавчера
утром. Но ход бумаге дали только вчера вечером — через
час после того, как в элеваторах вспыхнул пожар. Когда у нас
не осталось ни единого часа на переговоры.

Эстель замерла, вглядываясь в мелкие, каллиграфические
буквы регистрационных отметок.

Два кризиса. Два смертельных удара по королевству. И
оба раза бумага ложилась на алтарь трона ровно в ту секунду,
когда любое человеческое, медленное решение становилось
невозможным из-за утекающего времени.

— Кто регистрировал эти депеши? — её голос стал тихим

и опасным.

Мира провела пальцем по нижнему краю обеих страниц, где стояли круглые личные штампы дежурных чиновников Канцелярии:

— Вот здесь. И здесь.

Эстель наклонилась к свету.

Чернильный оттиск был смазан, но вензель читался совершенно отчетливо. И на северной депеше, заставившей Даригана выжечь скорбь по погибшим солдатам, и на продовольственном запросе, стоившем ему памяти о родных улицах, стояла одна и та же подпись.

Один и тот же личный регистратор Канцелярии прошений.

Северин не просто ждал катастроф. Кто-то внутри его ведомства с ювелирной точностью управлял временем их появления.

Глава 7

Эстель

Эстель сидела за длинным конторским столом, усыпанным регистрационными фолиантами. Пальцы её озябли до синевы, а плечи под плотной шерстяной шалью ломило от многочасовой неподвижности. Напротив неё, не снимая серых суконных митенок, работала Мира. Перед старшим секретарем судебной коллегии лежала линейка из черного дерева, которой она методично отсекала строчку за строчкой в толстой книге входящих курьерских пакетов.

Серый утренний свет едва пробивал мутные, засиженные мухами стекла подвального архива Канцелярии прошений. В этой части дворца никогда не топили как следует: сырость сочилась из замшелых швов кладки, смешиваясь с едким духом кислого чернильного орешка, застарелого клея и тлеющего фитиля сальной свечи.

Они провели здесь всю вторую половину ночи.

После того как в Синем кабинете высохли чернила под Актом о сопредельном управлении, у Эстель появилось законное право вскрывать эти шкафы. Северин не посмел оспорить подпись регента открыто, но оставил приказ архивным служителям: тянуть время, требовать двойных описей и ссылаться на ветхость переплетов. Пришлось лично пригрозить архивариусу статьей об укрывательстве государствен-

ных сведений в условиях военного положения, прежде чем ключ со скрежетом повернулся в замке железной решетки.

На столе перед Этель лежали две выписки, переписанные её собственной рукой.

Первая — северная депеша маркиграфини Тарн о прорыве кардорской конницы у перевала Орлиного Клыка.

Вторая — тревожное уведомление Колосовой палаты о задержке речных барж Тевена Рота.

— Посмотри сюда, — Этель придвинула к себе журнал дежурного приема вестовых за первый день междуцарствия. Её голос звучал глухо в пустом сводчатом зале. — Курьерский жетон пограничной эстафеты с пометкой особой спешности вошел в наружные ворота крепости в четыре часа пополудни. За два часа до первого удара колокола, созывавшего знать на коронацию.

Мира приложила линейку к соседней графе:

— А первичная регистрация в общем реестре Канцелярии прошений датирована полуднем. Ровно тринадцать минут пополудни.

— Трон отверг мой обет без пяти минут двенадцать, — тихо произнесла Этель, и в её груди неприятно кольнуло воспоминание о том ледяном ударе базальта, от которого до сих пор ныло запястье. — Восемь часов. Депеша о смертельной угрозе рубежу лежала в приемном покое восемь часов. Её не передали покойному отцу, когда он еще дышал. Её не показали генералам на утреннем разводе караулов. Её заре-

гистрировали ровно в тот момент, когда Дариан стоял перед престолом, а Совет замер в панике.

Мира перевернула страницу, шелестя ломкой, пожелтевшей бумагой:

— С зерном то же самое, ваше высочество. Прощение об изъятии частных запасов поступило от чиновников продовольственного ведомства за сутки до пожара на набережной. Но к нему было подшито особое заключение инспектора речных пошлин: он указывал, что баржи Тевена стоят у Чёрного мыса и готовы к мирной разгрузке при предоставлении казначейского обеспечения. Где сейчас это заключение?

Эстель перебрала листы в тонкой папке из воощеной кожи:

— Его нет. В деле, которое Северин положил перед Дарианом в ночной караулке, остался только черновик чрезвычайного эдикта. Заключение инспектора исчезло.

В тишине архива было слышно, как в дальнем углу мерно капает вода с потолочного свода.

Капля. Еще капля. Словно песочные часы, отмерявшие время до следующего удара.

Хаос, в который королевство погрузилось после смерти Альрика, больше не выглядел слепой чередой несчастий. В нем проступал расчет. Жестокий, математически выверенный чертеж, в котором каждое бедствие удерживалось за плотиной служебных регламентов до тех пор, пока напряжение не достигало предела. А затем плотину открывали — и обрушивали мутный вал на человека, стоявшего у престола.

— Кто дежурил на приеме депеш в обе эти ночи? — спросила Эстель, хотя уже знала ответ.

Мира ткнула тонким пальцем в нижний угол регистрационных полос. Там стоял один и тот же круглый чернильный штамп с витиеватым вензелем:

— Старший регистратор Коллегии чрезвычайных прошений Корвин Бауэр. Сорок восемь лет. Безупречная служба при дворе, двадцать лет в штате личной канцелярии канцлера. Жалованье скромное, долгов не имеет, живет в тихом переулке за собором Святого Иуста.

— Позови комендантских стражников, — Эстель резко отодвинула кресло, поднимаясь на ноги. Подол платья шурхнул о пыльный каменный пол. — Пусть возьмут Бауэра прямо на рабочем месте. Изолировать в караулке нижнего яруса, опечатать конторку, допросить по форме следственного протокола о государственной измене.

— Нет, — спокойно, без тени сомнения ответила Мира. Она даже не шелохнулась, продолжая держать линейку на раскрытой странице.

Эстель замерла, удивленно вскинув брови:

— Вы отказываетесь исполнить распоряжение главы гражданского управления?

— Я напоминаю вам о цене, которую мы обе обязались платить за законность, — Мира подняла на нее свои строгие, серые глаза. В них не было страха перед королевской кровью; в них была несокрушимая броня судебного крючко-

твора, знавшего силу каждой юридической запятой. — По какому праву вы прикажете его арестовать, леди Вальер? По подозрению? За то, что его подпись стоит под входящими бумагами?

— Он умышленно задерживал депеши государственной важности! Из-за его молчания погибли солдаты на перевале! Из-за него сгорел столичный резерв хлеба!

— Докажите это перед коллегией Высокого суда, — голос Миры хлестнул, как холодная вода. — Корвин Бауэр положит руку на судейский камень и скажет, что следовал циркуляру номер восемь о предварительной проверке подлинности курьерских печатей. Скажет, что в суматохе междуцарствия курьеры принесли дюжину ложных доносов и он проверял водяные знаки на грамоте Тарн. Это служебная задержка, ваше высочество. За нее полагается выговор или лишение месячного оклада. Но если вы бросите его в подвал по обвинению в измене без прямого свидетельства заговора, что сделает Северин?

Эстель сжала кулаки. Гнев, горячий и горький, толкнулся в виски, но логика секретаря была безупречна.

— Канцлер созывает экстренное заседание Совета, — сквозь зубы произнесла она.

— Именно. Он объявит, что Оспаривающая корону использует полученную гражданскую власть для расправы над честными чиновниками аппарата. Он поднимет вой о тирании, обвинит вас в попытке парализовать делопроизводство

во время войны, и Высокий суд будет обязан приостановить действие вашего статуса до окончания разбирательства. Вы хотите потерять гражданский портфель ради мелкого клерка, который даже не знает, чей приказ исполнял?

Эстель медленно опустилась обратно на стул.

Она потерла лоб озябшей ладонью, чувствуя, как бессилие пытается захлестнуть её с головой. Закон, который она поклялась защищать, связывал ей руки крепче веревок. Он требовал доказательств там, где враг действовал намеками, умолчаниями и задержками бумаг.

— Если мы не возьмем его, он продолжит задерживать прошения, — сказала она. — Каждый следующий кризис снова упадет на Дариана как снег на голову. И регент снова наденет венец.

— Мы не станем его арестовывать, — Мира закрыла журнал с глухим хлопком. — Мы пойдем к нему открыто. По праву вашей должности. Вы не можете бросить его в каземат, но имеете полное право потребовать отчета о порядке движения дел. Посмотрим, как поведет себя паук, когда на его паутину упадет луч фонаря.

Помещение первого регистрационного стола Канцелярии прошений находилось в центральной галерее дворца, на три этажа выше сырых архивов.

Здесь было светло, сухо и пахло дорогим сандаловым деревом, воском и свежими чернилами. Вдоль стен тянулись застекленные шкафы с аккуратными рядами кожаных папок,

у высоких конторок трудились полдюжины младших писарей, тихо поскрипывая перьями.

Корвин Бауэр сидел у широкого дубового стола у центрального окна.

Это был сухощавый человек с жидкими русыми волосами, аккуратно зачесанными на косой пробор, и бледным, одутловатым лицом вечного кабинетного затворника. Его форменный сюртук из тонкого темно-зеленого сукна был безукоризненно вычищен, на манжетах не виднелось ни единой кляксы. В руках он держал латунный ножик, методично срезая сургуч с очередного входящего пакета.

Когда створки дверей распахнулись и в залу вошла Эстель в сопровождении Миры, писари за конторками испуганно замерли. Перья застыли над пергаментами.

Бауэр медленно поднял голову.

В его водянистых, чуть навекате глазах на долю секунды мелькнула тень загнанного, липкого страха, но он тут же взял себя в руки. Ножик тихо лег на бронзовую подставку. Чиновник поднялся из-за стола и склонился в безупречном чиновничьем поклоне:

— Ваше высочество. Чем канцелярия обязана чести вашего визита? Мы полагали, что гражданские дела направляются через секретариат ратуши...

— Сядьте, мастер Бауэр, — Эстель подошла к его столу, не дожидаясь приглашения, и опустила ладонь на полированное дерево.

Она не стала повышать голос. Говорила ровно, спокойно, с той холодной, давящей властностью, которой её с детства учил отец. Но её взгляд впился в лицо регистратора, не отпуская ни единого движения его век.

Бауэр опустил на краешек стула, судорожно сцепив пальцы на коленях:

— Я слушаю вас, ваше высочество.

— Акт о сопредельном управлении от вчерашнего числа, статья третья, — отчеканила Эстель. — Все чрезвычайные прошения, поступающие от профильных палат к Единой Короне, подлежат немедленной первичной регистрации с направлением копии в гражданский аппарат. Я пришла ознакомиться с текущей очередью.

— Разумеется... разумеется, — чиновник часто заморгал, его рука потянулась к стопке входящих депеш. — Мы как раз готовили выписки для отправки в ваши покои. Нагрузка колоссальная, война на севере нарушила график курьерской почты, не хватает переписчиков...

— Меня не интересует нехватка переписчиков, мастер Бауэр, — Эстель оперлась о стол, подавшись вперед. Дистанция между ними сократилась до полуаршина. — Меня интересует порядок, по которому вы определяете срочность депеш. Почему донесение о прорыве кардорской кавалерии пролежало в вашем ящике восемь часов до коронационного обряда?

Пальцы Бауэра на коленях судорожно дернулись. Капля

пота проступила у него на виске, медленно поползла вниз по бледной щеке.

— Это было... это было недоразумение, ваше высочество, — его голос стал тоньше, в нем зазвенели виноватые, просительные нотки. — Курьер прибыл ночью. Пакет был забрызган грязью, оттиск печати маркграфини смазан. Инструкция канцелярии категорически запрещает передавать в Совет депеши без установления подлинности знаков. Я ждал рассвета, чтобы отправить запрос на контрольный пункт связи...

— Вы ждали рассвета? — вмешалась Мира, делая шаг вперед и раскрывая служебный кодекс. — А когда на рассвете начался церемониал, вы вспомнили о депеше только в тот момент, когда трон погас под рукой леди Вальер?

— Церемония отвлекла весь двор! — Бауэр вжал голову в плечи, его дыхание стало прерывистым. — Я простой служащий, госпожа секретарь! Я не смел прерывать священное таинство коронации ради непроверенной бумаги! Я действовал строго по регламенту чрезвычайного делопроизводства!

Эстель смотрела на него сверху вниз.

Он врал. Но врал так, как врут опытные бюрократы: прикрываясь каждой буквой инструкции, каждым параграфом ведомственного циркуляра. Его нельзя было уличить в прямом нарушении — бумага была составлена так, чтобы снять с исполнителя любую ответственность.

Но в его расширенных зрачках стоял не страх перед нарушением устава. Там был страх человека, зажатого меж двух

жерновов.

Он не был автором этой паутины. Он был лишь винтиком, пальцем на чужой руке.

«Если я надавлю сильнее, — подумала Эстель, — он закричит, позовет стражу канцлера, и Северин спрячет его в дальнем гарнизоне, а концы будут обрублены навсегда».

Она выпрямилась.

— Покажите мне ящик задержанных бумаг, мастер Бауэр.

— Каких... каких бумаг, ваше высочество? — регистратор побледнел еще сильнее.

— Бумаг, которые ожидают проверки подлинности, — мягко, почти ласково произнесла она. — Тех, что поступили за последние трое суток, но еще не получили входящего номера. Прямо сейчас. Или госпожа Мира составит акт об отказе в доступе к государственному реестру, и через четверть часа здесь будет стоять рота гарнизонных копейщиков по личному распоряжению лорда-регента. А у лорда Морвейна, как вы знаете, правая рука сейчас не в лучшем состоянии, и терпения у него значительно меньше, чем у меня.

Упоминание Дариана подействовало как удар хлыста.

Бауэр вздрогнул всем телом, судорожно сглотнул и, не поднимая глаз, потянулся к нижнему ящику массивного стола. Ящик был заперт на отдельный медный замочек. Чиновник дрожащими пальцами достал из кармана жилета ключ, повернул его и выдвинул тяжелое дубовое нутро.

Внутри лежала толстая стопка пергаментов, перевязан-

ных черной тесьмой.

Мира шагнула вперед и единым ловким движением перехватила стопку, опустив её на стол перед Этель.

— Свободны, мастер Бауэр, — бросила Этель, развязывая узел. — Продолжайте работу. Но помните: если хотя бы один курьерский пакет задержится в этой комнате дольше десяти минут без уведомления моего секретариата, статья за измену покажется вам высшей милостью.

Они вышли в боковую галерею, залитую холодным утренним сквозняком, и остановились у широкого подоконника.

Этель развернула первые листы.

Её пальцы задрожали.

Это были не просто задержанные депеши с границ или жалобы провинциальных купцов.

Перед ними лежали готовые, выверенные до последнего слова проекты чрезвычайных прошений. Семь отдельных свитков из плотной веленовой бумаги, исписанных одинаковым каллиграфическим почерком старших клерков Канцелярии.

На каждом свитке сверху было оставлено пустое место для даты и личной печати профильного ведомства. Но сами формулировки... Формулировки были прописаны до леденящей жути подробно.

— Читай, — тихо сказала Этель, протягивая листы Мире.

Мира быстро скользила взглядом по строкам, и её губы

сжимались всё плотнее:

— Палата Щита: «О критическом разрушении пограничной завесы и необходимости прямого подключения силового контура к престолу»... Палата Колоса: «О тотальном срыве хлебных поставок и введении режима принудительной реквизиции»... Палата Меча: «О нарушении присяги армейскими корпусами и передачи верховного командования единоличной воле регента»...

Мира подняла глаза на Эстель. В них плескался настоящий, неподдельный ужас:

— Чаша... Весы... Ключ... Род... Здесь все семь, Эстель. Все семь сфер государственной власти.

Они стояли на продуваемой ветром галерее, и бумага в руках Эстель тихо шелестела.

Семь «спящих» проектов.

Два из них уже сработали: Щит выжег у Дариана способность оплакивать погибших солдат, Колос лишил его чувства дома и корней. Оставалось еще пять.

Кто-то в недрах Канцелярии заранее заготовил юридические лекала под каждый возможный крах государства. Северин не просто реагировал на беды — он ждал их, держа наготове идеальные формы прошений, чтобы в нужную секунду сунуть их в руки растерянным сановникам, принуждая регента наносить новые и новые удары по собственной душе.

Но доказательства авторства канцлера на этих листах не было. Ни гербовой печати Северина. Ни его личной подписи.

Лишь типовые канцеляризмы и безымянный труд переписчиков. С таким документом нельзя было пойти в Высокий суд — любой судья назовет это обычной подготовкой типовых бланков на случай войны.

— Заговор существует, — прошептала Эстель. — Но мы не можем ударить по голове, пока не поймаем руку в момент преступления.

— И эта рука не заставит себя ждать, — раздался сзади знакомый, тяжелый голос.

Эстель резко обернулась.

По каменным плитам галереи к ним шел Дариан.

Он был без парадного плаща, в темном военном колете, на поясе висел тяжелый палаш. Правая рука регента по-прежнему покоилась на перевязи, свежие бинты туго стягивали предплечье до самого локтя. Он двигался быстро, тяжело чеканя шаг, но его лицо...

Лицо Дариана оставалось неподвижным; серые глаза смотрели вперед, губы были плотно сжаты. Эстель не узнавала вспыльчивого офицера, который прежде спорил с Альриком на военных советах.

И всё же, когда его взгляд упал на Эстель, в глубине его зрачков на долю секунды мелькнула тень сосредоточенного, почти болезненного внимания.

— Лорд Морвейн, — Эстель невольно подобралась, чувствуя, как внутри натягивается привычная струна напряжения. — Вы получили копии утренних сводок?

— Я получил кое-что похуже, — Дариан остановился в двух шагах от нее. От него пахло морозным ветром, конским потом и горькой полынной мазью. — Капитан Кай только что прислал вестового из Цитадели.

— Что произошло в гарнизоне?

Дариан перевел немигающий взгляд на свитки в руках Миры, затем снова посмотрел на Эстель:

— Три полка столичного гарнизона — вельможная гвардия домов Вальден, Брант и Черного Мыса — отказались выходить на утреннее построение. Они заперлись в казармах у верхнего арсенала.

Сердце Эстель пропустило удар:

— Бунт?

— Не бунт. Хуже. Саботаж прикрытый правом, — голос Дариана прозвучал сухо и ровно, как рапорт об инвентаризации складов. — Полковники заявили, что их присяга давалась покойному королю Альрику лично. А поскольку законный государь не коронован, а регент правит по временному статусу, они подчиняются только прямым приказам своих родовых патриархов. Дома требуют созыва Собрания земель и пересмотра налоговых податей. Если я попытаюсь разоружить их силой городской стражи, в Цитадели начнется бойня. Армия трещит по швам, Эстель.

Эстель опустила глаза на свитки в своих руках.

Третий свиток.

Палата Меча. «О нарушении присяги армейскими корпу-

сами и передачи верховного командования единоличной воле регента».

Ловушка захлопывалась прямо сейчас.

Северин не стал выжидать. Пока они с Мирой копались в регистрационных журналах, канцлер сделал следующий ход — столкнул родовую знать с регентом, создавая кризис, который армия не могла разрешить мирным путем за считанные часы.

Она подняла глаза на Дариана.

Его искалеченная рука висела неподвижно на перевязи. Под слоями полотна спала чудовищная сила престола — третья печать, Меч, готовый силой единой воли сломать непокорных офицеров, подчинить полки и спасти гарнизон от распада.

Ценой еще одного куска его человеческой души.

— Они толкают вас к третьему эдикту, Дариан, — тихо сказала она. Голос её дрогнул, но взгляд остался прямым. — В этой стопке лежит готовое прошение Палаты Меча. Они знали, что полки откажутся подчиняться, еще до того, как полковники закрыли ворота арсенала.

Дариан посмотрел на пергамент в её руках. На его скулах не дрогнул ни один мускул.

— Знаю, — глухо ответил он. — Но если полки захватят арсенал к полудню, у нас не останется государства, которое можно защищать законами.

Он развернулся на каблуках, бросив через плечо:

— Кай пытается выиграть время переговорами. Но если он не удержит людей... мне придется сделать то, чего от меня ждут.

Глава 8

Дариан

Дариан поднялся по пандусу северного бастиона, не дожидаясь адъютантов. Обожжённая правая рука, туго стянутая бинтами от запястья до самого локтя, глухо пульсировала в такт шагам. Под льняной тканью две черные линии — Щит и Колос — уже остыли, превратившись в несмываемые, въевшиеся в плоть рубцы. Но холод, оставленный вторым эдиктом, никуда не ушёл. Он сидел глубоко под ключицей, отравляя каждый вдох ощущением выстуженной, пустой казармы.

Утренний туман над Верхним арсеналом пах сырым железом, оружейным салом и лошадиным навозом.

Внизу, на плацу перед коваными створами арсенала, замерли три пехотных полка.

Двенадцать сотен солдат в вороненых кирасах с гербами домов Вальден, Брант и Черного Мыса стояли ровными каре, выставив перед собой лес восьмифутовых пик. Ни знамён королевства, ни штандартов регентства над строем не было — только родовые вымпелы с оленями и вепрями. Офицеры стояли перед строем с обнажёнными клинками, упёртыми остриями в брусчатку. Это не было пьяным бунтом черни. Это была вышколенная, породистая измена, облечённая в безупречную военную форму.

— Они заперли северные ворота арсенала полчаса назад,

— негромко произнёс человек, шагнувший навстречу Дариану из тени караульной вышки.

Капитан Кай.

Ему было сорок, на три года младше Дариана, но в его коротко стриженных каштановых волосах уже блестела ранняя седина. Кай носил простой походный бригантин без позолоты, перепоясанный широким ремнем с тяжелым пехотным тесаком. На переносице белел старый кривой шрам — память о переправе через Белую реку, где они вдвоем двенадцать часов держали плацдарм против кардорских егерей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.